

Научное издание

ВЕСТНИК

Луганского государственного
педагогического университета

Серия 3

Филологические науки
Медиакоммуникации

№3(63)
2021

№3(63) • 2021 ВЕСТНИК ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

КНИГА

Издатель ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011, т/ф (0642)58-03-20

Министерство образования и науки
Луганской Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего образования
Луганской Народной Республики
«Луганский государственный педагогический университет»

ВЕСТНИК

Луганского
государственного
педагогического
университета

Серия 3

Филологические науки
Медиакоммуникации

№ 3(63) • 2021

Сборник научных трудов

Луганск
2021

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5
В 38

Учредитель и издатель
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

Основан в 2015 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Синельникова Л.Н. – доктор филологических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Ротерс Т.Т. – доктор педагогических наук, профессор

Выпускающий редактор

Калинина Г.Г. – заведующий редакционно-издательским отделом

Редактор серии

Новикова А.А. – кандидат филологических наук, доцент

Состав редакционной коллегии серии:

Дяговец И.И.	– доктор филологических наук, профессор
Иванов Е.Е.	– кандидат филологических наук, доцент
Калинкин В.М.	– доктор филологических наук, профессор
Колесникова С.М.	– доктор филологических наук, профессор
Кораблев А.А.	– доктор филологических наук, профессор
Кочетова С.А.	– доктор филологических наук, профессор
Кушнерук С.Л.	– доктор филологических наук, профессор
Ломакина О.В.	– доктор филологических наук, профессор
Марфина Ж.В.	– кандидат филологических наук, доцент
Озерова Е.Г.	– доктор филологических наук, профессор
Присянникова О.И.	– доктор филологических наук, доцент
Соболева И.А.	– кандидат филологических наук, доцент
Супрун В.И.	– доктор филологических наук, профессор
Теркулов В.И.	– доктор филологических наук, профессор
Федоров В.В.	– доктор филологических наук, профессор
Шулежкова С.Г.	– доктор филологических наук, профессор

В38 Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч. тр. / гл. ред. Л.Н. Синельникова; вып. ред. Г.Г. Калинина; ред. сер. А.А. Новикова. – Луганск : Книта, 2021. – № 3(63) : Серия 3. Филологические науки. Медиакоммуникации. – 100 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых различных отраслей наук и групп специальностей, а также результаты исследований научных учреждений и учебных заведений, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты проводимых или завершенных изучений теоретического или научно-практического характера.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, педагогическим работникам, студентам и всем, интересующимся проблемами филологических наук и медиакоммуникаций.

Издание включено в РИНЦ

Печатается по решению Ученого совета Луганского государственного педагогического университета (протокол № 4 от 26.11.2021 г.)

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5

© Коллектив авторов, 2021
© ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

- Грицкова Н.В., Борзых Е.А.** Особенности перевода французской юридической терминологии на русский язык.....4
- Дворцова А.Н., Долженко Д.А.** Развитие социокультурной компетенции посредством анализа особенностей репрезентации образов женских божеств в китайской лингвокультуре.....10
- Кононченко Ю.А.** Концепт как стержневое понятие этнолингвокультурологии.....14
- Некрутенко Е.Б., Черникова Е.Д.** Экспрессивная прагматическая функция художественного текста.....21
- Пантыкина Н.И.** Теоретические основы когнитивной лингвистики в современном языкознании.....26
- Ткачева Е.А.** Функционально-синтаксические особенности речевой реализации изъявительного наклонения английского языка.....31
- Фомина С.Б.** Взаимодействие и взаимовлияние терминологии и фразеологии.....39

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Ли Е.С.** Аллюзии в ранобе Кафки Асагири «Великий из бродячих псов».....44
- Сайфутдинов С. Хайдар огли** Воплощение коранического образа Адама в романе Нагиба Махфуза «Дети нашей улицы».....52
- Хатнюк А.В.** Эстетика античной Эллады как одна из основ концепции красоты Ивана Ефремова.....57
- Якименко Л.Н.** Персонаж и характер в пьесе Антона Чехова «Вишневый сад».....62

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

- Бородина А.Н., Харченко Л.И.** Метакомпетентность учителей иностранных языков в системе дистанционного обучения.....69
- Бочацкая А.А.** Роль психологического компонента в обучении иностранным языкам.....76
- Дволучанская В.А.** Организационный компонент макротехнологии подготовки будущих учителей-филологов к организации педагогического взаимодействия с младшими школьниками на уроках английского языка (из опыта работы).....82

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

- Ляхович Ю.О.** Интернет-блог как особая форма стилизации устной речи.....87

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ93

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ95

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.11-112; 81-26

Грицкова Наталия Викторовна,
канд. пед. наук, доцент кафедры
романо-германской филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
interpreter912@gmail.com

Борzych Елена Александровна,
ст. преподаватель кафедры теории и
практики перевода и общего языкознания
ГОУ ВО ЛНР «ЛГУ им. Владимира Даля»
elenalborzykh@list.ru

Особенности перевода французской юридической терминологии на русский язык

В статье рассматриваются трудности перевода французских юридических терминов на русский язык. Исследование проводилось на материалах статей франкоязычной юридической прессы и документов. Авторы проводят анализ современной франкоязычной юридической терминологии; рассматривают специфику юридического перевода как акта межкультурной коммуникации; анализируют применение трансформаций на примере перевода французских административно-правовых документов, имен собственных, терминов-сокращений, аббревиатур; изучают преимущества и недостатки транслитерации как способа передачи безэквивалентной терминологической единицы.

Ключевые слова: термины, эквивалентность, юридический перевод, безэквивалентная лексика, юридические документы, способы перевода.

Появление большого количества международных организаций, фирм и учреждений вызвало большой спрос на перевод различного рода материалов. Выбор именно юридической терминологии в качестве объекта исследования объясняется тем, что данная терминология, наряду с экономической, политической и другой терминологией из различных областей знания традиционно относится к так называемым общественным наукам, отличая их от естественных наук, с одной стороны, и гуманитарных – с другой, и наиболее тесно взаимосвязана с общеупотребительной лексикой. В данном случае собственно терминологию выделять особенно сложно, а порой и просто невозможно. Роль терминов в юриспруденции особенно велика, так как от правильного понимания иноязычного термина иногда зависит понимание всего текста, закона или сути документа.

Цель данной статьи – исследовать основные особенности (проблемы) перевода французской юридической терминологии на русский язык.

Рассматриваемая проблема являлась предметом исследования учёных различных лингвистических школ. В число таких зарубежных и отечественных учёных входят: И.С. Алексеева, О.С. Ахманова, Л.С. Бархударов, Г. Гийом, О. Дюкро, В.Н. Комиссаров, А. Кюльоли, Г.С. Лопатин, Г.И. Мачковский и другие.

В современном терминоведении особое внимание уделяется вопросам функции термина в речи. Термины функционируют так же, как и другие лексические единицы языка, но область их употребления сводится к конкретной науке, в которой они функционируют. Именно эта характерная черта придаёт терминологии своеобразные качества. Непосредственная задача термина – выполнять функции в своей узкоспециальной терминосистеме, раскрывая при этом все свои структурные, семантические и функциональные особенности.

Одной из главных особенностей юридического перевода является специфическая терминология, которая даёт определения и названия юридическим понятиям. Данный перевод является скорее актом межкультурной, нежели межъязыковой коммуникации, так как в переводческий контакт вступают разнообразие правовые системы, противоречия, которые обуславливают многие проблемы юридического перевода. Терминологические особенности русского правового поля, в котором сочетаются термины и юридические понятия различного происхождения, а также наблюдается общая терминологическая неупорядоченность правового дискурса, являются препятствиями, которые приходится преодолевать в процессе юридического перевода.

Для перевода терминов переводчик обращается к их значению и этимологии и определённым способам перевода. Юридические термины могут переводиться посредством поиска эквивалента, аналога, посредством калькирования, описательного перевода, контекстуальной замены, транскрипции и транслитерации.

Следует отметить, что юридический перевод переполнен непростыми, запутанными формулировками, которые присущи правовым документам. Даже на родном языке разобраться в таких документах неспециалисту довольно сложно. Особенность этого вида перевода заключается в требовании от переводчика чёткого и глубокого знания таких юридических процессов, как выпуск акций компаний, выплаты дивидендов, регистрация компании и т.п. Переводчик должен быть осведомлён о процессах заключения договоров и соглашений; знать, как работают механизмы налогообложения и т.д., чтобы юридически грамотно передать содержание текста. Кроме того, переводчику необходимо понимать текст документа, что, зачастую, требует не только наличия юридического образования, но и значительного практического навыка. Так как правовые системы разных стран очень отличаются друг от друга, и иногда у языков исходного или конечного документа нет даже эквивалента для тех или иных понятий, то в такой ситуации необходимо задействовать переводческую интуицию и логику [1].

В юридическом переводе не допускаются ошибки, поскольку цена такой ошибки может быть слишком высока. Переводчику приходится работать с финансовыми и бухгалтерскими документами, где есть большое количество цифр. При переводе следует учитывать национальные особенности написания чисел и математических знаков в разных странах.

Под качеством перевода подразумевается высокая степень адекватности в передаче терминологии и специальной лексики. Главной задачей терминов является правильное и точное обозначение явлений, которые несут ключевую информацию. Точность передачи содержания является основной сложностью юридических переводов. Приблизительное значение юридического термина не допускается, ведь от качества перевода юридического документа, который связан, например, с ликвидацией компании, может зависеть репутация тех или иных бизнесменов, реализация тех или иных инвестиционных программ, принятие тех или иных решений. Если речь идёт о защите бизнеса, то юридические термины, понятия, законопроекты и разного рода предписания в переведённом тексте должны быть абсолютно понятными и для ответчика, и для истца, чтобы полностью исключить любые недоразумения.

Все юридические документы имеют клишированную форму, когнитивная информация которых оформляется единожды, согласно строгим конвенциям. Источником и реципиентом юридических текстов являются административные органы, которым документы нужны для подтверждения полномочий и прав соответствующих лиц. В юридическом переводе очень большое значение имеет точность, так как материал может служить основой для принятия важных решений, поэтому тексты документов, как правило, переводятся по готовым моделям. При переводе юридических текстов адекватность перевода состоит не только в передаче содержания материала, но и в точной передаче структурной формы, порядка следования частей и последовательности изложения (например: порядок следования пунктов, их обозначения и др.). Специфика юридического перевода как акта межкультурной коммуникации заключается, прежде всего, в его междисциплинарном характере, поскольку данный вид перевода находится на пересечении лингвистики, переводоведения и юриспруденции [1].

Особенности языка административно-правовых документов на лексическом и грамматическом уровнях обуславливают применение различных переводческих трансформаций при переводе. Рассмотрим применение трансформаций на примере перевода французских административно-правовых документов. При переводе текстов встречаются имена собственные: личные имена, географические названия, микротопонимы (названия улиц, площадей, проспектов и т.п.), названия организаций. Самый простой способ перевода таких имён в юридических документах – это транслитерация или транскрипция. В качестве переводческого эквивалента термина-реалии используется его графически-фонетическое обозначение. В письменном переводе оно воспроизводится буквами языка перевода, а в устном переводе выражается согласно фонетическим правилам языка перевода [5].

Успешно выполненная транслитерация как способ передачи безэквивалентной терминологической единицы может обогатить язык перевода новой лексической единицей [1, с. 23]. Достоинством транслитерации является её надёжность: переводчик передаёт только графическую и фонетическую сторону термина, а содержание раскрывается через контекст. Таким образом, переводчик избегает объяснения определённого понятия и его неправильной интерпретации. Недостатком транслитерации как переводческого метода яв-

ляется то, что механическая передача лексической единицы не всегда позволяет раскрыть её значение для реципиента и может потребовать дополнительных объяснений.

С помощью этого способа обычно передаются сокращённые названия военных блоков, политических партий, промышленных фирм, различных обществ и т.д. Например: *FRANCETELECOM*, *Credit Lyonnais*, *Alliance française*. При переводе на русский язык текстов юридической тематики может применяться практика сохранения названия иностранных компаний языком оригинала. Например: *Gaz de France*, *Société Haval*.

En France, un organisme public bénéficiant d'une garantie institutionnelle illimitée de l'État a été créé dans les années 1990 pour reprendre et liquider progressivement les actifs douteux du Crédit Lyonnais [7, с. 2] / Во Франции, в 1990-е годы был создан государственный орган, имевший неограниченные государственные гарантии, который должен был брать на себя и постепенно ликвидировать ненадёжные активы *Credit Lyonnais* (Лионский кредит).

Dans le cadre de la visite d'Etat que j'ai récemment effectuée, j'ai pu m'entretenir avec les représentants de sociétés comme Gaz de France, Vinci, Paribas et la Société Générale, ainsi qu'avec les représentants des milieux d'affaires de Lille [8, с. 3] / Недавно во время государственного визита во Францию у меня была возможность встретиться с представителями таких фирм, как *Gaz de France*, *Vinci*, *Paribas* и *Société Générale* (Сосьете Женераль), а также с представителями делового мира Лилля.

Перевод названий улиц обычно не вызывает трудностей. В большинстве случаев переводчики также используют транслитерацию. Например, *AVENUE FOCH* (Авеню Фош), *BOULEVARD SEBASTOPOL* (Бульвар Севастополь).

Avenue Kléber à Paris, à coté de l'Ambassade d'Argentine et à quelques minutes de marche de l'Ambassade d'Angola sur l'Avenue Foch [8, с. 1] / Авеню Клебер в Париже находится возле посольства Аргентины и в нескольких минутах ходьбы от Ангольского посольства, которое находится на авеню Фош.

Garde à vue quai des Orfèvres [6, с. 2] / Содержание под стражей в полиции на набережной Орфевр.

Следующей особенностью юридических терминов является сокращение, которое образуется при использовании только первых или заглавных букв. Например: *TGI* – *Tribunal de Grande instance* (Суд высшей инстанции), *OI* – *Organisations internationales* (Международные организации), *CC* – *Cours de Cassation* (Кассационный суд).

Une assignation en référé d'heure à heure pour le 14 juin 2006 devant le Président du TGI de Marseille, a été délivrée à TPH [8, с. 4] / Вызов: срочно предстать в суде 14 июня 2006 года перед президентом марсельского суда высшей инстанции был передан в *Tudor, Pickering, Holt & Co* банка.

Cinq jours après son témoignage devant le juge Guillaume Daieff dans le cadre de l'enquête menée contre UBS, Brandly Birkenfeld voit son nom apparaître mais sous un contexte tout différent [8, с. 5] / Прошло пять дней с тех пор, как Брэндли Биркенфельд давал показания перед судьёй Гийомом Даефом по делу против швейцарского финансового холдинга, а его имя уже появилось в прессе в совершенно ином контексте.

Возможна также передача иностранного сокращения эквивалентным русским сокращением (дословный перевод). Лучше всего, когда такая единица уже утвердилась в языке. Перевод может быть построен по той же модели: так, французской аббревиатуре *ONU* соответствует русская аббревиатура *ООН*, французской аббревиатуре *OTAN – НАТО*, *UNESCO – ЮНЕСКО*. Другим способом передачи сокращений на русский язык является описательный перевод. Описательный перевод применяется в тех случаях, когда в языке перевода нет эквивалента. Переводится исходная единица так: *IR (impôt sur le revenu)* – налог на доход, *CDI (le contrat à durée indéterminée)* – бессрочный контракт, *CDD (contrat à durée déterminée)* – контракт с ограниченным продолжением.

Lors d'un CDD de 5 mois, j'ai participé au passage d'un jalon de certification d'un logiciel de contrôle moteur d'un turboréacteur au sein de la société SNECMA [7, с. 5] / По контракту с ограниченным продлением, я работаю 5 месяцев в компании SNECMA над сертификацией устройства, контролирующего программное обеспечение реактивного двигателя.

Le rapport a reçu un accueil favorable, et la CDI a été encouragée à poursuivre son projet sans toutefois recevoir de mandat clair [6, с. 2] / Доклад был одобрен и предложен бессрочный контракт, хотя перспективы работы над проектом остались неясными.

Перевод терминов остаётся наиболее трудной задачей. Их сложно идентифицировать и правильно перевести, так как большинство из них не имеют аналогов и эквивалентов в переводном языке. Для адекватного перевода юридических терминов и терминологических словосочетаний необходимо хорошо владеть не только соответствующей тематикой и языком, но также обладать научным мышлением. Именно эти знания и умения дают возможность выявить основные закономерности и достигнуть правильного перевода. Основная задача любого перевода – предоставлять чёткую информацию. Также сложность представляет соблюдение стиля и сохранение индивидуальности автора. Их соблюдение важно для того, чтобы текст правильно информировал и оказывал нужное воздействие на реципиента [1].

Подводя итоги, отметим, что проблема выбора адекватного варианта при переводе юридических терминов с одного языка на другой, в частности, с французского языка на русский и наоборот, остаётся одной из проблем теории перевода, требующей детального изучения. Приведённые нами примеры наглядно демонстрируют сложность проблемы, так как специалисту необходимы знания двух языков, знакомство с предметом (правоведческая компетентность), подготовленность в области теории перевода и владения практическими переводческими навыками. Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод о том, что выбор приемлемого варианта перевода определяется наличием или отсутствием эквивалента в языке перевода. При его наличии процедура сводится к простой подстановке выбранного варианта (с учётом лексического и грамматического соответствия), а при отсутствии такого варианта – тщательного подбора одного из вариативных соответствий с учётом лингвистического контекста. Перспективы дальнейших исследований по этой теме лежат в плоскости всестороннего и более подробного изучения аспектов

перевода юридических терминов, которые в будущем помогут избежать ошибок при переводе юридических текстов.

Список литературы

1. **Алексеева И.С.** Введение в переводоведение : учеб. пособие / И.С. Алексеева. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ; М. ; Академия, 2004. – 352 с.
2. **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Наука, 2016. – 368 с.
3. **Бархударов Л.С.** Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 2014. – 238 с.
4. **Комиссаров В.Н.** Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М. : ЭТС. – 2001. – 424 с.
5. **Лопатин Г.С.** Коммерческая корреспонденция на французском языке / Г.С. Лопатин. – М. : Славянский дом книги, 2000. – 156 с.
6. **Déclaration universelle des droits de l'homme** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/fr/documents/udhr/>, свободный. (Дата обращения : 14.09.2021 г.).
7. **La Semaine Juridique Edition Générale** [Электронный ресурс]: 2010, № 51. – Режим доступа: <https://jurisguide.univ-paris1.fr/fiches-documentaires/la-semaine-juridique-edition-generale-jcp-g/>, свободный. (Дата обращения : 17.09.2021 г.).
8. **Le Monde** [Электронный ресурс]. – 2017, № 21814-21817, mars. – Режим доступа: <https://www.lemonde.fr/>, свободный. (Дата обращения : 14.09.2021 г.).

**Gritskova N.V.,
Borzykh E.A.**

Features of French legal terminology translation into Russian

The article discusses the difficulties of legal terms translating from French into Russian. The research is based on the articles from the French legal press and documents. The authors analyze modern French legal terminology; consider the specifics of legal translation as an act of intercultural communication; study the use of transformations on the example of translation of French administrative documents, proper names, abbreviated terms, abbreviations; discuss the advantages and disadvantages of transliteration as a way of a non-equivalent terminological unit translation.

Key words: terms, equivalence, legal translation, non-equivalent terminological units, legal documents, methods of translation.

УДК 811.581'727:[821.581–343+398.4]

Дворцова Александра Николаевна,
ст. преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
sdvorcova@gmail.com

Долженко Дарья Александровна,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
d_dolzhenko_03@mail.ru

Развитие социокультурной компетенции посредством анализа особенностей репрезентации образов женских божеств в китайской лингвокультуре

Статья посвящена анализу прецедентных образов китайских богинь и их роли в процессе формирования социокультурной компетенции у изучающих китайский язык и культуру. Авторы приводят выдержки из произведений китайской классической литературы, анализируя социокультурную составляющую образов богинь китайской мифологии.

Ключевые слова: *социокультурная компетенция, китайская мифология, китайская литература, образ, символ, женские божества.*

Литературу невозможно представить без женских образов: даже не будучи главными героями, персонажи женского пола воплощают в себе видение места и роли женщин в конкретном хронотопе, позволяя анализировать социокультурные механизмы межличностного общения, свойственные определенной культуре. Взгляд на место женщины в социальной иерархии, ее функции и возможности в классической китайской литературе наиболее ярко воплощен в образах богинь, которые перешли в категорию прецедентных персонажей, став именами нарицательными и прочно закрепившись в языке и фразеологии.

Цель данной статьи – проанализировать потенциал анализа образов женских божеств в текстах классической китайской литературы в качестве средства формирования социокультурной компетенции в процессе обучения китайскому языку.

Важной категорией социокультурных знаний является осведомленность обучаемого о механизмах социального взаимодействия, свойственных лингвокультуре изучаемого языка. Так, нельзя не отметить, что образ женщины воспринимается представителями китайской и русской культур по-разному в силу историко-бытовых предпосылок, а потому русскоязычным студентам необходимо с особым вниманием относиться к нормам и табу китайской лингвокультуры, понимать, какую коннотацию имеют те или иные характеристики женского образа.

С нашей точки зрения, наиболее показательными для применения в педагогических целях являются образы женщин, сформированные мифологической традицией Китая. Будучи прецедентными, они позволяют не только расширить страноведческие познания учащихся, но и словарный запас за счет изучения фразеологизмов, характеризующих женские божества, являющихся обиходными, научиться более глубоко считывать аллюзии и отсылки к национальной культуре Китая в художественных текстах и разговорной речи.

Одной из особенностей произведений художественной литературы Китая является то, что наряду с простыми смертными героинями произведений исторически были богини, женщины-феи и духи, наделенные необычайной красотой и сверхъестественными силами. Их образы встречаются еще в «Шицзине», однако более широко раскрываются только в чуских строфах. Например, когда богиня или фея тоскует по возлюбленному и, оказавшись в людском мире, не теряет свою божественную сущность, являя собой идеальную женщину.

Мифологические образы в китайской литературе с равным успехом используются в разных текстах: от легенд и сказаний до классических романов. Говоря о произведениях, связанных с богами, духами и феями, стоит также упомянуть такие жанры китайской прозы, как чжигуай сяошо (истории о чудесах; истории о необычном) и хуабэнь в классической китайской прозе, а также уся, сянься в современной литературе. Таким образом, можно констатировать, что спектр произведений, в которых фигурируют образы богинь в китайской литературе, весьма велик, что подтверждает значимость

Одними из частотных образов богинь в китайской литературе являются образы Нюйва (女娲), Чан Э (嫦娥), Сиванму (西王母) и Гуаньинь (观音).

Богиня Нюйва, считающаяся прародительницей рода человеческого, неоднократно фигурирует в литературных произведениях с древности и до наших дней. Прежде всего она известна по мифам о сотворении людей и починке небесного свода, которые и сформировали ее восприятие как любящей, заботливой, бесстрашной и талантливой хранительницы мира. Два наиболее ярких переосмысления её образа связаны с работами писателей новейшей китайской литературы – Лу Синя и Мо Яня. Лу Синь в своих «Старых легендах в новой редакции» выводит богиню в качестве героини рассказа «Починка неба», наделяя её абсолютно земными качествами. В свою очередь, Мо Янь наделяет простую деревенскую акушерку из романа «Лягушка» функционалом богини, давшей людям жизнь. С образом Нюйва неразрывно связаны следующие фразеологизмы: 女娲补天, 炼石补天, 女娲造人补天, 千辛万苦, 神通广大, 无所畏惧, 心地善良, 赴汤蹈火, 家喻户晓, 舍生忘死.

Богиня Чан Э напрямую связана с образом Луны, что часто обыгрывается в художественных текстах. Например, в стихотворении Ли Бо «С кубком в руке вопрошаю луну» (перевод А.И. Гитовича) присутствуют следующие строки: «...Ты увидишь, как восходит луна / На закате, в вечерний час. / А придет рассвет – не заметишь ты, / Что уже ее свет погас. / Белый Заяц на ней лекарство толчет, / И сменяет зиму весна. / И Чан Э в одиночестве там живет / И вечно так жить должна. / Мы не можем теперь увидеть, друзья, / Луну древнейших времен...» [3].

Согласно одной из версий древнего мифа, Чан Э превратилась в трехногую жабу, толкующую в ступе снадобье бессмертия и обреченную вечно жить

на Луне. Именно поэтому Чан Э часто упоминают также и в образе жабы, например, в стихотворении Ли Бо «Середина осени» (перевод Б.Г. Мещакова): «Осеннюю пору как раз пополам / Луны колесо рассекло. / Попутчикам вечным ее, облакам, / на всей их дороге светло. / Усердного Зайца я тщушь отыскать, / скатился тот с месяца вниз; / В Трехногую Жабу все пятна опять / во взоре усталом слились. / Волшебный наш Плот скоро примет волна, / в руке моей – друга рука» [3]. Образ жабы символизирует долголетие, удачу и богатства. Также в древности китайцы верили, что лунные затмения происходят из-за того, что трехногая жаба проглатывает полную Луну, что возвращает нас к божественной сущности Чан Э.

Фразеологизмы, входящие в семантическое поле характеристик образа богини Чан Э представлены следующими единицами: 嫦娥奔月, 月里嫦娥, 自古嫦娥爱少年, 青女素娥, 广寒仙子,

Также значим для китайской лингвокультуры образ богини-владычицы Запада Сиванму, который является одним из древнейших в китайской мифологии и символизирует мудрость, власть, долголетие. О Владычице Запада упоминается еще в «Книге гор и морей», где ей посвящены следующие строки: «Похожа на человека, но с хвостом барса, клыками как у тигра, любит свистеть; на всклокоченных волосах надеты украшения. Она управляет небесными эпидемиями и пятью наказаниями» [2].

В более поздней мифологии образ Сиванму под влиянием даосов лишился своих зооморфных черт, вследствие чего богиню описывали прекрасной красавицей. Также упоминания о Сиванму можно встретить в одном из древнейших произведений китайской художественной прозы «Жизнеописание сына Неба Му», в котором описывается путешествие на запад чжоуского правителя Му-вана, во время которого он повстречал богиню: «В день и-чоу император угощал вином Сиванму на берегу Яшмового пруда. Сиванму спела императору песню, он ответил ей. Потом император поднялся на гору Яньшань и там записал свои деяния на камне. Он посадил там акацию, а на краю камня написал: «Гора Сиванму». Вернувшись с горы Сиванму, он погрузился в печаль и прочитал об этом стихи» [1].

На основе приведенных выше примеров мы можем сделать вывод, что образ Сиванму является одним из архаичных образов, постепенно изменившихся под влиянием буддизма. К данной богине относились с большим уважением, в приведенных нами примерах мы видим, что образ Сиванму стоит наряду с образом императора. На основании этого, мы можем считать, что образ богини был весьма значимым для китайской литературы и культуры в целом, что прослеживается и в фразеологизмах, связанных с нею: 金母木公, 木公金母, 青鸟传信, 瑶台阆苑, 瑶池女使.

В классическом романе У Чэньэня «Путешествие на Запад» упоминается богиня Гуаньинь, появление которой в пантеоне божеств также связано с влиянием буддизма. Ее образ весьма значим для данного романа, именно со сцены, в которой Гуаньинь говорит императору отправить посланника-монаха за буддийскими сутрами, и начинается повествование. Богиня направляет Сунь Укуна (царя обезьян), Чжу Бацзе (получеловека-полусвинью) и Ша Сэна (небесного генерала) к Танскому монаху в ученики. Гуаньинь

предстает перед нами как сострадательная спасительница, милосердная, указывающая праведный путь.

В повести хуабэнь «Нефритовая Гуаньинь» также упоминается богиня Гуаньинь. Несмотря на то, что образ самой богини в новелле воплощен в статуэтке, которую главный герой вырезал из нефрита в дар для императора, для персонажей он также является символом доброты, духовного просветления и благополучия. С образом Гуаньинь в китайском языке связаны такие фразеологизмы как 慈眉善目, 神通广大, 普度众生, 功德无量, 大慈大悲.

Проанализировав образы богинь и связанные с ними фразеологизмы, мы можем сделать вывод о том, что в китайской литературе и языковом поле нередко встречается мифологический интертекст: кто-то из богинь является символом печали и одиночества, кто-то – символом мудрости и власти, а кто-то олицетворяет доброту и милосердие. Рассмотренные нами образы богинь являются частью культуры и истории Китая, а потому умение декодировать значение аллюзий на их образы в текстах и устной речи является значимым навыком при освоении китайского языка и формировании социокультурной компетенции обучаемых. Понимание контекстуальной уместности применения той или иной характеристики, включающей отсылку к образам богинь, может быть полезной не только при работе с художественными текстами, но и в обычном общении. Перспективы дальнейшего исследования данной проблемы видятся нам в расширении спектра анализируемых образов женских божеств и характеризующих их лексем, которые являются значимой частью китайской лингвокультуры.

Список литературы

1. **Алимов И.А.** Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяошо / И.А. Алимов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2014. – 592 с.
2. **Каталог гор и морей** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/940353-katalog-gor-i-morey-shan-hay-czin/toread/page-45>, свободный. (Дата обращения: 21.09.2021 г.).
3. **Китайская поэзия** [Электронный ресурс]: антология старинной и современной китайской поэзии. – Режим доступа: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=1436, свободный. (Дата обращения : 23.09.2021 г.).

**Dvortsova A.N.,
Dolzhenko D.A.**

Development of Sociocultural Competence Through Features' Analysis of Representation of Female Deities' Images in Chinese Linguoculture

The article analyzes precedent Chinese goddesses' images and their role in forming students' sociocultural competence in the process of learning Chinese language and culture. The authors refer to Chinese classical literature and idioms, analyzing the sociocultural component of the goddesses' images in Chinese mythology.

Key words: *sociocultural competence, Chinese mythology, Chinese literature, image, symbol, female deities.*

УДК 811'27:811'37

Кононченко Юлия Александровна,
ассистент кафедры журналистики
и издательского дела
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
savonarola05061988@mail.ru

Концепт как стержневое понятие этнолингвокультурологии

Статья посвящена определению и анализу концепта в ракурсе этнолингвокультурологии, объединяющей достижения двух наук – этнолингвистики и лингвокультурологии. Автор утверждает, что этнолингвокультурология имеет двухвекторную направленность исследований – от языка к культуре и от культуры к языку. По результатам исследования сделан вывод, что концепт как специфически маркированная единица отражения культуры и этнической ментальности является стержневым понятием этнолингвокультурологии.

Ключевые слова: язык, этнос, культура, концепт, этнолингвистика, лингвокультурология, этнолингвокультурология.

Как показывает анализ лингвистических исследований, во второй половине XX столетия во время становления антропоцентрической парадигмы произошло переключение исследований с объекта на субъект. Учитывая, что каждый человек является представителем определенного этноса и определенной культуры, в центре внимания новой парадигмы оказалась триада язык – этнос – культура. Это привело к формированию нового направления в области когнитивных исследований – этнолингвокультурологии, а также изучению культурной составляющей языка и его взаимосвязи с конкретным этносом.

Этнолингвокультурология является комплексной дисциплиной, затрагивающей интересы сразу нескольких наук гуманитарного и социального цикла, в том числе историю, антропологию, культурологию, этнопсихологию, этнолингвистику, лингвокультурологию и др. С точки зрения лингвистических наук, она изучает взаимодействие языка и культуры с учетом особенностей отдельного этноса. Язык в этнолингвокультурологии рассматривается как активно действующая часть культуры, один из существенных способов ее формирования, хранения и передачи внутри отдельного этнического сообщества либо в условиях взаимодействия этносов [18, с. 5, 6].

В своей сути этнолингвокультурология является комплексной дисциплиной, объединяющей достижения двух других наук – этнолингвистики и лингвокультурологии, соотношение которых ученые на сегодняшний день решают неоднозначно. Тем не менее, жесткую границу между лингвокультурологией и этнолингвистикой провести нельзя, так как многие вопросы входят в круг интересов и той, и другой отрасли. Так, этнолингвистика изучает этническую специфику характера народа, его ментальности и эмоциональности, а также этнические стереотипы речевого поведения, проявляю-

щиеся в языке и передающиеся через него из поколения в поколение. В сфере интересов лингвокультурологии входят культурно-специфичные языковые единицы и культурно-специфичные нормы общения, выявляемые с помощью кросс-культурного анализа. Таким образом, обе науки занимаются изучением вопросов речевого этикета, который, с одной стороны, принадлежит к набору изучаемых этнолингвистикой стереотипных форм поведения, а с другой, относясь к социальным нормам, является неотъемлемой частью культуры, находящейся в центре внимания лингвокультурологии [3, с. 24–27].

Цель статьи – доказать, что концепт является стержневым понятием этнолингвокультурологии.

В современных этнолингвистических исследованиях существует тенденция рассматривать языковые единицы не только как результат коммуникации, но и как следствие наслоения на языковую оболочку национально-культурной специфики. В связи с этим возникают все основания для формирования такого образования, как концепт, который, прежде всего, является термином когнитивной лингвистики.

На сегодняшний день существует множество различных исследований, посвященных определению и анализу концепта. В основе многих научных работ находится изучение роли и функционирования концепта в философии, психологии, лингвистике, психолингвистике, этнолингвистике, лингвокультурологии и др. Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью определения концепта как стержневого понятия этнолингвокультурологии и его изучения как национально-культурного маркера.

История термина «концепт» начинается с заимствования данного понятия из математической логики (труды Г. Фреге и А. Черча). Слово «концепт» в переводе с латинского слова *conceptus* (от глагола *concipere* – «зачинать») означает буквально «понятие, зачатие». В русском языке это слово как термин впервые использовал в 1928 году С.А. Аскольдов в статье «Слово и концепт», опубликованной в журнале «Русская речь», где автор главным свойством концептов указывает функцию заместительства [2, с. 269]. Эта статья стала началом концептуально-культурно-логического подхода в современной науке, однако общепринятым термин «концепт» в лингвистической литературе стал с начала 1990-х годов благодаря научным трудам Д.С. Лихачева и Ю.С. Степанова.

В своих исследованиях Д.С. Лихачев утверждает, что концепт существует не для слова, а отдельно для каждого словарного значения слова. По его мнению, человек не может полностью выразить значение концепта, понимая его по-своему в зависимости от социального положения и условий существования [12, с. 281]. Ю.С. Степанов концепт характеризует как культурно-ментально-языковое образование, сгусток культуры в человеческом сознании. Лингвист рассматривает концепт как «пучок» представлений, понятий, знаний и воображений, которыми сопровождается слово [14, с. 14]. По мнению ученого, в значение концепта человек вкладывает свое представление о культуре. С другой стороны, ученый считает, что с помощью концепта человек сам становится частью культуры, оказывая на нее влияние [14, с. 43].

Изучением концепта и его связью с культурой занимались такие ученые, как Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, А. Вежицкая, С.Г. Воркачев, С.Я. Ер-

моленко, В.В. Жайворонок, В.С. Калашник, В.И. Карасик, В.И. Кононенко, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Г.В. Токарев, Н.Ю. Шведова и многие другие.

В «Кратком словаре когнитивных терминов» концепт трактуется как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [9, с. 90]. То есть, это некий отдельный смысл, некая идея, существующая в нашем сознании.

Н.И. Толстой в своей статье «Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин» поясняет концепт как «вербализованный культурный смысл», который «по умолчанию» является семантической единицей «языка» культуры. По его мнению, «определяющим» в понимании концепта в рамках этнолингвистики выступает представление о культуре как о «символической Вселенной», конкретные проявления которой в каком-то «интервале абстракции» обязательно этноспецифичны. Тем самым, ведущим отличительным признаком этнолингвистического концепта является его этнокультурная отмеченность. В то же самое время язык в этнолингвистике – не только и не столько инструмент постижения культуры, он – ее составная часть, «одна из ее ипостасей» [16, с. 312].

По мнению Е.А. Шимко, язык используется не для формирования концептов, а для обмена ими и для их обсуждения в процессе общения. Он отмечает, что «концепты находят своё вербальное выражение с помощью единиц различных языковых уровней: лексем, фразеологизмов, пословиц и поговорок, афоризмов, а также грамматических форм и синтаксических структур» [17]. То есть, концептуальные характеристики выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт.

Н.Д. Арутюнова считает, что концепт – это результат взаимодействия национальных традиций, фольклора, религии, идеологии, жизненного опыта, образов искусства, ощущений и системы ценностей, образуя «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [1, с. 3].

О.А. Леонтович отмечает способность концептов разрастаться и обогащаться за счет индивидуального эмоционального и культурного опыта носителей языка, которая обуславливает их эластичность, неустойчивость и подвижность [10, с. 117].

В.А. Маслова отмечает, что структура концепта помимо понятийной основы включает социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им, включая ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре [13, с. 36].

А. Вежбицкая описывает концепт как объект идеального мира, который определяется с помощью набора семантических данных и отражает культурные представления о действительности [4, с. 549].

По мнению В.И. Карасик, лингвокультурные концепты – сложные многомерные ментальные образования, включающие образно-перцептивный, поня-

тийный и ценностный компоненты [7, с. 100]. Отражая основные этапы развития языка и культуры, концепт является языковой единицей сознания народа, обогащенной культурными символами и индивидуальными ассоциациями.

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин в своей статье «Лингвокультурный концепт как единица исследования» определяют соотношение концепт – язык – сознание – концепт следующим образом: 1) сознание является областью пребывания концепта; 2) концепт – ментальное отражение культуры; 3) язык и / или речь – сферы опредмечивания концепта. Ученые указывают, что данная схема относительна, так как взаимоотношение между языком и культурой – сложное явление, также существует двусторонняя связь между языком и сознанием, поэтому концепт ученые понимают как ментальное образование с привилегирующим ценностным свойством [6, с. 76–77].

Анализируя важнейшие свойства концепта как лингвокультурного понятия, ученые выявили его базовые характеристики: комплексность бытования, основанная на комплексном изучении языка, сознания и культуры; ментальность, которая отличает концепт от других единиц в лингвокультурологии; аксиологичность, так как лингвокультурный концепт от других ментальных единиц отличается ценностным элементом; условность (членение сознания производится с целью исследования) и размытость (концепт не имеет конкретных границ); изменчивость, поскольку с течением времени восприятие содержания концепта может меняться; ограниченность сознанием носителя, обусловленное существованием концепта в индивидуальном или коллективном сознании; трехкомпонентность – в составе концепта выделяют ценностный, образный и понятийный компоненты; полиапеллируемость (существование множества путей апелляции к любому лингвокультурному концепту); многомерность – традиционные единицы лингвокультурологии используются для моделирования концепта; методологическая открытость и поликлассифицируемость (в рамках лингвокультурологии допустимо использование как лингвистических, так и нелингвистических методов; концепты могут классифицироваться на основе различных признаков) [5, с. 15].

Как культурное явление, концепты объединяют представителей определенной лингвокультуры, обеспечивая основу взаимопонимания между ними. Концептуальное пространство отдельной языковой личности и лингвокультуры в целом организуется в концептосферу, которую «можно рассматривать в двух направлениях: как взгляд «извне», т.е. анализ концептосферы в целом как выражения национально-культурной специфики определенного народа, и как взгляд «изнутри», попытку проникнуть во внутренний мир представителей разных социальных групп посредством концептов как многомерных образований» [11, с. 111].

Г.В. Токарев концепт описывает в качестве исторически развивающегося элемента концептосферы. С точки зрения культурно-семиотического подхода концепт рассматривается как глобальная, многосторонняя ментальная единица, для которой характерны следующие признаки: обусловленность культурно-историческими событиями; наличие внутренней структуры, состоящей из более простых смыслов; неоднородность содержания; широкий объем; выражение разнообразными знаковыми репрезентациями [15, с. 15].

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что этнолингвистика сосредотачивает свое внимание на изучении связей языка с культурой, народными обычаями, социальной структурой общества или нации в целом. И концепт в ракурсе этнолингвистики является единицей, формирующейся в результате синтеза существующих знаний сквозь призму этнического опыта. То есть, исследование концептов позволяет понять, каким путем происходило формирование мировосприятия этноса, его базовые ценности и представления, что представляла собой система его символов и социокультурных ориентаций, какими путями происходило образование национального менталитета и соответствующей ментальной среды.

В то же время лингвокультурология тоже изучает проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Концепт как единица лингвокультурологии – понятие, которое изучается непосредственно через анализ культурнозначимых ценностей народа. Посредством концепта слово проникает в языковую картину мира и находится в ней, взаимодействуя с другими лексическими единицами.

Подчеркивая неправомерность разграничения этнолингвистики и лингвокультурологии, Л.А. Козлова отмечает, что различия между ними можно провести, используя понятия профиля и базы из метаязыка когнитивной лингвистики. Она отмечает, что «в этнолингвистике базой выступает язык, а профилем – его этнокультурная специфика, отражающая культуру говорящего на этом языке этнокультурного сообщества». А «в лингвокультурологии базой выступает культура определённого лингвокультурного сообщества, а профилем – её языковая манифестация» [8, с. 29].

Таким образом, если этнолингвистика изучает язык и его этнокультурную специфику, отражая культуру говорящего определённого этнокультурного сообщества, то лингвокультурология исследует культуру лингвокультурного сообщества через её языковое отражение, что, несомненно, может стать темой для дальнейших исследований. Выходит, синтезируя наработки обеих наук, этнолингвокультурология имеет двухвекторную направленность исследований – от языка к культуре и от культуры к языку. Следовательно, с уверенностью можно полагать, что концепт как специфически маркированная единица отражения культуры и этнической ментальности является стержневым понятием в этнолингвокультурологии.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология. – М. : Языки русской культуры, 1997. – С. 267–279.
3. Боева-Омелечко Н.Б. Этнолингвокультурология как интегральная область научных исследований / Н.Б. Боева-Омелечко // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2020. – № 3. – С. 22–29.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 780 с.

5. **Карасик В.И.** Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин; // Антология концептов. / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. I. – С. 13–15.
6. **Карасик В.И.** Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сборник научных трудов. – Воронеж, 2001. – С. 76–77.
7. **Карасик В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М. : ГНОЗИС, 2004. – 390 с.
8. **Козлова Л.А.** Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего / Л.А. Козлова. – Барнаул : Алтайская гос. пед. академия, 2009. – 183 с.
9. **Краткий словарь когнитивных терминов** / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М. : Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
10. **Леонтович О.А.** Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию : учеб. пособие / О.А. Леонтович. – Волгоград : Перемена, 2003. – 399 с.
11. **Леонтович О.А.** Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О.А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2005. – 351 с.
12. **Лихачев Д.С.** Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология. – М., 1997. – С. 280–287.
13. **Маслова В.А.** Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В.А. Маслова. – М. : Тетра Системс, 2004. – 256 с.
14. **Степанов Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Академический проект, 2001. – 990 с.
15. **Токарев Г.В.** Лингвокультурология / Г.В. Токарев. – Тула : Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2009. – 135 с.
16. **Толстой Н.И.** Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин / Н.И. Толстой // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – С. 306–315.
17. **Шимко Е.А.** Понятие концепта в этнолингвистике [Электронный ресурс] / Е.А. Шимко // Филологические науки. 9. Этно-, социо- и психоллингвистика. – 2012. – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/36_PVMN_2012/Philologia/9_122726.doc.htm, свободный. (Дата обращения : 19.09.2021 г.).
18. **Этнолингвокультурология** : учеб. пособие / сост. Т.С. Вершинина, М.О. Гузикова, О.Л. Кочева; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал, федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2014. – 80 с.

Kononchenko Yu.A.

Concept as the Core Concept of Ethnolinguoculturology

The article is devoted to the definition and analysis of the concept from the perspective of ethnolinguoculturology, combining the achievements of two sciences – ethnolinguistics and cultural linguistics. The author argues that ethnolinguoculturology has a two-vector focus of research – from language to culture and from culture to language. The study concluded that the concept as a specifically marked unit of reflection of culture and ethnic mentality is the core concept of ethnolinguoculturology.

Key words: *language, ethnos, culture, concept, ethnolinguistics, cultural linguistics, ethnolinguoculturology.*

Некрутенко Елена Борисовна,
канд. пед. наук, доцент кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
elena.summerhill@yandex.ua

Черникова Елизавета Дмитриевна,
магистрант 1 курса филологического факультета
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
elizaveta-99.16@yandex.ua

Экспрессивная прагматическая функция художественного текста

Данная статья посвящена проблеме сохранения экспрессивной прагматической функции, с которой сталкивается переводчик при работе с художественным текстом. Авторами рассматривается понятие «экспрессивность», его классификация, а также способы передачи в языках оригинала и перевода. В заключении делается вывод о роли экспрессивной прагматической функции в художественной литературе.

Ключевые слова: *художественный текст, экспрессивность, классификация экспрессивности, прагматическая функция.*

Экспрессивность как лингвистическая категория наиболее подробно рассматривается в научной литературе конца XX – начала XXI века. Также экспрессивность становится объектом пристального внимания психолингвистов, социолингвистов, лингвокультурологов, литературоведов, философов и других, так как данное понятие часто анализируется в междисциплинарных работах.

Лингвистический статус экспрессивности недостаточно определен, что объясняется внеязыковыми психофизиологическими доминантами – эмоциями, по-разному проявляющими себя в вербальной коммуникации. Эмоции могут быть актуализированы на разных уровнях системы языка. Именно поэтому сущность термина «экспрессивность» изменяется согласно уровню и особенностям лингвистического анализа текста. Изучение категории экспрессивности как выражения эмоций в процессе речевого акта попадает в фокус внимания лексикологов, прагматистов, грамматистов-функционалистов, психолингвистов, лингвистов-когнитологов и др.

Научный интерес исследователей к категории экспрессивности обуславливается ее связью с субъективным восприятием мира отдельным человеком, языковым выражением эмоциональных состояний, проявлениями особенностей культуры и т.д. Проблему изучения экспрессивной прагматической функции художественного текста и способов ее перевода рассматривали в своих трудах такие исследователи, как О.В. Александрова, Э.М. Береговская, А.А. Билялова, Л.С. Есина, Н.Е. Зимовец, Е.И. Королева, В.Н. Телия и др.

Понятие «экспрессивный» происходит от латинского *exprimere* – выражать. Суть экспрессивной функции художественного текста состоит в выражении определенных эмоций, подчеркивании отношений к субъектам художественной реальности, проявлении любого вида чувств или эмоций к любому из объектов внутреннего или внешнего мира и т.п.

В современной лингвистике под экспрессивностью понимают отстранение речи, придающее ей необычность и выразительность и выделяющее сообщение из общего речевого потока за счет необычного стилистического использования языковых средств, посредством интенсификации количественного и качественного аспектов обозначаемого или в результате восприятия ассоциативно-образного представления, которое служит стимулом для положительной или отрицательной реакции реципиента. Экспрессивностью как категорией выражается особенность психолингвистического сознания носителя определенного языка [5, с. 8].

Экспрессивность можно определить как вербальное выражение настроений и чувств говорящего, адресованное реципиенту, и, соответственно, являющееся неотделимой составляющей смысловой структуры коммуникативного послания. Исследователи подчеркивают, что в процессе повседневного общения коммуникативный и экспрессивный аспекты имеют тесную взаимосвязь, а сама экспрессия по сути является одной из форм выражения коммуникативной функции.

Другая дефиниция экспрессивности определяет ее как «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [1, с. 78].

Экспрессивность текста трактуется как результат, к которому приводит взаимодействие некоторых субъектно-ориентированных речевых функций. В связи с этим экспрессивность как категория имеет тесную связь с оценочной и эмотивной функциями, но не является тождественной ни одной из них. Суть экспрессии состоит в выражении чувств автора или описываемого героя, при этом оценка выраженных ощущений не является обязательной. Зачастую экспрессии в тексте сопутствует эмоциональная окраска, однако это также не обязательно и не всегда возможно определить полюс эмоциональности в положительную или отрицательную сторону.

Экспрессивность текста является одним из основных условий реализации его прагматической функции. «С точки зрения процесса коммуникации, экспрессивный план текста служит достижению прагматических задач речевого общения» [5, с. 3]. Таким образом, проблема экспрессивности может комплексно рассматриваться только в рамках прагматики. Экспрессивная прагматика обуславливает воздействия художественного текста на адресата.

Экспрессивная прагматическая функция художественного текста призвана акцентировать внимание реципиента на определенных деталях произведения, формировать отношение к описываемому, создавать настроение. Благодаря реализации экспрессивной функции, происходит оформление дополнительных смысловых оттенков. Экспрессивность достигается взаимодействием образных средств и синтаксических структур.

Современная научная лингвистическая литература предлагает классификацию экспрессивности в зависимости от способа ее языкового выражения. Исследователь Е.И. Королева предлагает систему уровневой экспрессивности, которая представляет собой форму субъективного отношения, реализуемого средствами отдельных языковых уровней:

- графического;
- фонетико-фонологического;
- словообразовательного;
- лексического;
- фразеологического;
- грамматического (морфологического и синтаксического);
- текстового [3, с. 43].

Каждый языковой уровень – фонетический, словообразовательный, лексический, синтаксический – имеют свои возможности выражения экспрессии. Например, выражение экспрессивности с помощью графических знаков осуществляется с помощью использования разного вида графем: буквы, знаки и символы оформляются различными способами, выделяются с помощью изменения размера, регистра, шрифта, цвета и т.д. Деление на строки, строфы, абзацы, разделы также способствует необходимому графическому оформлению, способному послужить средством выражения экспрессивной функции. Графические средства выражения экспрессивности чаще всего используются в рекламных текстах для привлечения внимания реципиента, а также в медиатекстах, в текстах художественной литературы.

Фонетико-фонологическая экспрессивность достигается использованием таких фонетических фигур, как аллитерация, ассонанс, контракция и других. «Правильное» сочетание фонем способствует созданию необходимого звукового эффекта, влияющего на восприятие текста. Фонетико-фонологическая экспрессивность преобладает в поэтических произведениях, а также является одним из доминантных способов выражения экспрессии в текстах драматических произведений (реплики актеров должны быть удобопроизносимыми и удобовоспринимаемыми, а значит, содержать правильный набор фонем).

Лексическая экспрессивность художественного текста передает субъективное эмоционально-чувственное восприятие автора читателю, выраженное с помощью лексических средств: использования оценочной лексики, сленгизмов, коллоквиализмов, обесцененной лексики и так далее. Проще говоря, семантика отдельно взятого слова способствует передаче экспрессивного замысла. Использование богатства речи, активное использование синонимов, омонимов, антонимов также относится к лексическому уровню реализации экспрессивной функции.

Достижение фразеологической экспрессивности осуществляется с помощью введения в текст фразеологических единиц. Фразеологизмы могут употребляться в своем общепринятом значении или же подвергаться индивидуальным авторским трансформациям – сокращаться, перефразироваться, искажаться с художественной целью. «Фразеологизмы имеют разную степень выразительности. Такие единицы, как идиомы, пословицы, поговорки, крыла-

тые выражения и др., составляют группу экспрессивно-эмоциональных фразеологизмов» [3, с. 45].

Возможности выражения экспрессивности на словообразовательном уровне, на первый взгляд, не так высоки. Однако с помощью словообразовательных возможностей языка создаются авторские неологизмы, ониматопы, специальные термины для мира вымышленных понятий и т.п.

Грамматическая экспрессивность достигается с помощью эмоционально-экспрессивных ресурсов частей речи, предпочтения их особых форм и категорий. Синтаксические конструкции способствуют достижению экспрессивной-прагматической функции текста. Особую роль играет использование неполных предложений, интонационно-окрашенных предложений и так далее.

Текстовая экспрессивность возникает в рамках самой широкой языковой категории – текста. Один из ее видов проявляется в скрещивании авторской речи и речи персонажей. Различную степень экспрессивности несет в себе способ повествования и т.д. Реализация экспрессивной прагматической функции художественного текста состоит в передаче авторского субъективного подхода к изображению персонажей и сюжетных коллизий. Мы рассматриваем экспрессивность как некий итоговый результат, к которому приходит автор, используя эмотивно-оценочную и интенсифицирующую функции языка. «Экспрессивность языковых произведений – текстов и любых их отрывков (вплоть до слов) – это результат такого прагматического употребления языка, основная цель которого – выражение эмоционально воздействующего (положительно или отрицательно окрашенного) отношения субъекта речи к обозначаемому и «заражение» этим отношением адресата» [2].

Исследователи отмечают, что при анализе лингвистической природы экспрессивности необходимо различать языковые и речевые средства выражения экспрессивности. В соответствии с этим принципом выделяются языковая (или имманентная) и речевая (или контекстуальная) экспрессивность. «В рамках языковой экспрессивности исследуются экспрессивный потенциал языка, а именно – специализированные единицы языка, которые в речевой реализации экспрессивно маркируют контекст. Речевая (контекстуальная) экспрессивность реализуется в процессе общения и понимается как любое усиление содержания текста, выделение и акцентирование информации в нем. Речевые средства выражения экспрессивности, таким образом, – это не только экспрессивные системно-языковые единицы, реализовавшиеся в тексте во время коммуникации, но и системно-нейтральные средства, которые становятся экспрессивными благодаря контексту» [3, с. 151].

Суть воздействия экспрессивной прагматической функции состоит в конкретизации оценочно-эмоциональных взаимоотношений субъекта и описываемой реальности. Экспрессивная прагматическая функция связывается с подбором языковых средств, способных удовлетворить речевые намерения автора в воздействии на реципиента с целью мотивировать его к сопереживанию литературному герою.

Решение проблемы экспрессивности позволит повысить эффективность использования текстов в целях развития культуры, науки и искусства, в социальном регулировании поведения языковой личности [4, с. 20].

Таким образом, при передаче художественных текстов с помощью языковых средств переводящего языка переводчики стремятся отобразить необходимую экспрессивность, чтобы сохранить авторское настроение и художественный замысел оригинала. Изучение экспрессивной прагматической функции остается актуальным вопросом современной лингвистики вследствие существования неограниченного количества языковых возможностей для достижения необходимого уровня воздействия на читателя.

Список литературы

1. **Александрова О.В.** Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка : уч. пособие / О.В. Александрова. – М. : Либроком, 2009. – 216 с.
2. **Билялова А.А.** Категории эмоциональности, эмотивности и интенсивности как составляющие экспрессивности языка / А.А. Билялова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://naukarus.com/kategorii-emotsionalnosti-emotivnosti-i-intensivnosti-kak-sostavlyayuschie-ekspressivnosti-yazyka>, свободный. (Дата обращения: 04.03.21 г).
3. **Королева Е.И.** Экспрессивные грамматические средства языка в аспекте функционально-семантического поля (на материале современной британской беллетристики) : дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / Екатерина Игоревна Королева. – Екатеринбург, 2016. – 221 с.
4. **Маслова В.А.** Лингвистический анализ текста. Экспрессивность : учеб. пособие для бакалавр. и магистр. / В.А. Маслова. – М. : Стелла, 2018. – 196 с.
5. **Сдобников В.В.** Теория перевода / В.В. Сдобников. – М. : Фортуна, 2007. – 448 с.

**Nekrutenko E.B.,
Chernikova E.D.**

The Expressive Pragmatic Function of a Literary Text

This article is devoted to the problem of preserving the expressive pragmatic function that the translator faces when working with a literary text. The authors consider the concept of expressiveness, its classification, as well as methods of transmission in the original and translated languages. In summary, a conclusion about the role of the expressive pragmatic function in fiction is made.

Key words: *a literary text, expressiveness, classification of expressiveness, the pragmatic function.*

УДК 811'37'42

Пантыкина Наталья Игоревна,
ст. преподаватель кафедры английской и
восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
natik-pantykina@mail.ru

Теоретические основы когнитивной лингвистики в современном языкознании

В статье исследовано место когнитивной лингвистики в современном языкознании, определено базовое понятие когнитивной лингвистики – концепт. Автор характеризует направления когнитивной лингвистики, а также раскрывает значение понятия «концепт» на основе теоретического анализа работ отечественных и зарубежных исследователей.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, когнитивная лингвистика, концепт, языковой образ мира, языкознание.

Когнитивная лингвистика является той научной сферой, которая изучает знания о мире, сформированные в сознании человека, его внутренние структуры, репрезентативные методы и закономерности. Представление о мире формируется в сознании через чувства (тактильные, визуальные, вкусовые) на уровне представления (знаки, мировоззрение) или организации мыслей. Когда эти вопросы формируются в сознании, они представляют известную информацию о мире.

Целью статьи является анализ теоретических разработок понятийного аппарата когнитивной лингвистики в современном языкознании.

Первыми исследователями когнитивной лингвистики стали преимущественно зарубежные ученые. Так, Г. Миллер назвал когнитивную науку «симпозиумом теории информации», возникшей в 1950-е годы [8]. В 1960 году Дж. Брунер вместе с Дж. Миллером открыл центр когнитивных исследований в Гарвардском университете. Этот центр внес значительный вклад в формирование когнитивной лингвистики. В середине XX века когнитивная лингвистика анализировалась с помощью базовых знаний в рамках современной антропоцентрической парадигмы. Истоки и путь формирования этого нового научного поля можно найти в лингвистических трудах европейских исследователей, а именно у В. фон Гумбольдта, а также в научных идеях, выраженных Ф. Боасом, Э. Сепиром и Б. Уорфом [7].

К концу XX века теоретический подход к когнитивной науке начал улучшаться и распространяться, повышая интерес у лингвистов. Такие зарубежные ученые, как Дж. Лакофф, М. Джонсон и Т. Адрианус ван Дейк опубликовали свои работы по познанию. Ученые, работающие в рамках когнитивной науки, уделяли особое внимание языку как средству, характеризующему «языковой образ мира». Современная лингвистика изучает язык в наиболее развитом виде, изображающем людей и их объективную реальность в идеальном виде. Любой язык должен быть изучен через носителей языка и общество,

которое они формируют. Таким образом, язык – это больше, чем названия некоторых предметов и понятий, это особый образ мышления, представление человеческого опыта, накопленного годами [7].

Термин «когнитивная наука» изначально означал процесс приобретения информации, ее обработки, сохранения и дальнейшего использования. В результате данная научная отрасль стала заниматься формированием и обогащением знания, хранящегося в человеческом мозгу. Анализируя роль языка в процессе познания, исследователь Г. Харман отметил, что «язык выполняет жизненно важную функцию среди других когнитивных наук, поскольку он передает мысли. Язык также может влиять на способ познания» [9, с. 43].

Когнитивную лингвистику активно исследовали также и российские ученые. Так, В. Маслова отмечает, что «когнитивная лингвистика основана на когнитивизме и существует в рамках современных антропоцентрических парадигм, расширяющих круг лингвистических исследований» [6, с. 102]. Когнитивная лингвистика связана с когнитивизмом, который представляет собой исследование мыслящего разума, его ментальные функции и виды деятельности. Объектом исследования является познание людей, охватывающее наблюдение и контроль, а также формирование мышления, изображения, символы и знаки, лежащие в основе систематизированных знаний. Когнитивный мир любого человека определяется через его мыслительные действия и жизненный опыт. В этом плане язык – это главный признак того, что определяет какие-либо действия [6].

Если говорить о когнитивной лингвистике в широком смысле, то можно разделить ее на следующие направления:

1. Когнитивная семантика занимается изучением различных структур знаний и выявлением роли языка в их репрезентации, понимании и интерпретации. Она также анализирует организацию понятийного пространства в сознании человека, где понятийные структуры рассматриваются как носители базовых знаний о мире, а лексическое значение – как когнитивная категория. Когнитивная семантика изучает концепты как средства объяснения ментальных единиц человеческого сознания. Исследование определенного концепта предполагает изучение семантических полей и анализ других концептов, имеющих синонимичные или антонимичные значения. Проблемам когнитивной семантики посвятили свои труды такие ученые: А. Генен, А. Гольдберг, Р. Джекендофф, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Б. Рудзка-Остин, Л. Талми, Дж. Тейлор, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье и др. [5, с. 78].

2. Когнитивная грамматика занимается анализом синтаксических и морфологических структур с целью объяснения когнитивных аспектов языковых явлений. Вопросами когнитивной грамматики занимались такие ученые, как Р. Джекендофф, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Ч. Филлмор, У. Чейф и др. [1, с. 118].

3. Когнитивная фонология занимается изучением выражения когнитивных структур с помощью фонологических средств. Фонема является ментальной единицей, поэтому процесс фонетической репрезентации языка тесно связан с процессами, которые протекают в сознании. Изучением проблем когнитивной фонологии занимались А.А. Абдуазитов, М. Бирвиш, Д. Кристалл и др.

4. Когнитивная стилистика изучает «стилистические стратегии», возникающие в процессах порождения и понимания текста, которые дают возможность носителям языка выбирать между альтернативными способами выражения примерно одного и того же значения. Когнитивная стилистика изучает когнитивные процессы, связанные с использованием стилистических маркеров для передачи различных эмоционально-экспрессивных состояний говорящего или социального контекста общения. Можно подытожить, что когнитивная лингвистика изучает когнитивные структуры, лингвистические и нелингвистические системы знаний, а также реализации таких действий, как коллекционирование, обработка и применение лингвистических и неязыковых знаний. Расшифровка информации через языковой знак относится к когнитивной компетенции лингвистики [7].

В современной когнитивной лингвистике основным понятием становится концепт, который, как термин, все чаще используется исследователями, рассматривающими проблемы языкового представления когниций [3, с. 26]. Именно это ключевое понятие отличает когнитивную лингвистику от других направлений исследования семантики. Это понятие не имеет однозначного определения, содержание концепта очень существенно варьируется в доктринах различных научных школ и отдельных ученых.

Теоретическое обоснование термина «концепт» охарактеризовали В. Айрапетян, Н. Арутюнова, А. Афанасьев, А. Вежицкая, В. Воробьев, А. Гуревич, Е. Карский, В. Колесов, Е. Кубрякова, Д. Лихачев, В. Маслова, А. Морозовский, А. Потебня, Н. Рябцева, А. Соболевский, В. Телия, А. Шахматов и др. Термин «концепт» имеет множество определений и представлений. Профессор В. Маслова проанализировала различные определения и представила свой вариант: «Концепт – семантическая единица, имеющая лингвокультурные особенности и характеризующая носителей любой выбранной этнокультуры. Отражая этническое мышление, концепт отмечает этноязыковой образ мира и служит так называемым кирпичиком построения «дома нашего существа» [6, с. 112–113].

Исследователь В. Карасик приводит ряд подходов к концепту, развитых разными учеными:

- концепт – идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия;
- концепт – личностное осмысление, интерпретация «объективного значения и понятия как содержательного минимума значения»;
- концепт – это абстрактное научное понятие, произведенное на базе конкретного жизненного понятия;
- концепт – сущность понятия, явления в своих содержательных формах – в образе, понятии, символе;
- концепт – своеобразные культурные гены, входят к генотипу культуры, интегрированные функционально-системные, многомерные (как минимум трехмерные) идеализированные формообразования, опираются на понятийный или псевдопонятийный базис [4, с. 12–13].

Австралийская исследовательница А. Вежицкая различает:

– концепт-минимум – это неполное знание смысла слова (известная реальность, но не все, что ее касается; в практике она для него не является важной);

– концепт-максимум – охватывает всестороннее знание смысла слова, его энциклопедическое значение, профессиональные знания о реалиях [2].

Из вышесказанного подчеркнем, что концепт – это ментальное образование, которое является базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой и представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества. При этом концепт несет комплексную, энциклопедическую информацию об отображаемом предмете или явлении, об интерпретации этой информации общественным сознанием и отношением общественного сознания к этому явлению или предмету.

Таким образом, можно отметить, что когнитивная лингвистика занимает важное место в современном языкознании, так как изучает когнитивные структуры, лингвистические и неязыковые системы знаний, а также реализацию таких действий, как сбор, обработка и применение языковых и неязыковых знаний. Расшифровка информации с помощью языкового знака относится к компетенции когнитивной лингвистики, которой присущи понимание других наук, изучение языка с целью познания ее носителей, освоение многообразия функций языка, а также объяснение языковых явлений. Дальнейшие перспективы исследования мы видим в более подробном рассмотрении структуры концептосферы текстов оригинала и перевода.

Список литературы

1. **Булыгина Т.В.** Языковая концептуализация мира : (На материале рус. грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М. : Мастера рус. культуры : Кошелев, 1997. – 574 с.
2. **Вежбицкая А.** Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; [Пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной]. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 776 с.
3. **Карасик В.И.** Базовые характеристики концептов. Антология концептов / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 243 с.
4. **Карасик В.И.** Языковые концепты как измерения культуры / В.И. Карасик. – Архангельск : Гнозис, 1997. – 475 с.
5. **Кобозева И.М.** Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.
6. **Маслова В.А.** Лингвокультурология : [уч. пос. для ст-в высш. учеб. заведений] / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
7. **Abdikalyk K.S.** Concept as the main research object of cognitive linguistics / K.S. Abdikalyk, Z.A. Abitzhanova, Z.K. Otarbekova, G.K. Kaidarova, G.A. Seidullayeva // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – V.11. – №10. – Pp. 3167–3178.
8. **Miller G.** Images and models, similes and metaphors / G. Miller. – Metaphor and Thought Cambridge University Press, 1979. – Pp. 357–400.
9. **The Making of cognitive science** : Essays in honor of George A. Miller / Ed. by William Hirst. – Cambridge etc. : Cambridge univ. press, 1988. – Pp. 43–45.

Pantykina N.I.

Theoretical Foundations in Cognitive Linguistics

The place of cognitive linguistics in modern linguistics is studied. The author suggests the directions of cognitive linguistics and the meaning of the term “concept” on the basis of a theoretical analysis.

Key words: *anthropocentric paradigm, cognitive linguistics, concept, linguistic image of the world, linguistics.*

Ткачева Елена Александровна,
канд. пед. наук, доцент
кафедры английской и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
lena1234678@ukr.net

Функционально-синтаксические особенности речевой реализации изъявительного наклонения английского языка

В данной статье рассматриваются вопросы особенностей речевой реализации изъявительного наклонения английского языка на примере известных зарубежных произведений. Автором проведен анализ реального дискурса, определены функции каждой конкретной единицы вне зависимости от ее морфологических, семантических, словообразовательных характеристик.

Ключевые слова: синтаксис, изъявительное наклонение, языковые единицы, функционально-синтаксические классы.

Синтаксис в современной лингвистике чаще всего понимается как: 1) характерные для конкретных языков средства и правила создания речевых единиц; 2) раздел грамматики, изучающий процессы речи: сочетаемость и порядок следования слов внутри предложения, а также свойства предложения как автономной единицы языка и высказывания как части текста [1, с. 448].

С конца XIX века синтаксис стал определяться как учение о функциях в предложении классов слов, что пробудило интерес к исследованию сочетательных потенциалов слова – учению о синтаксических валентностях [2]. Логический и коммуникативный аспекты синтаксиса делают его наиболее универсальной частью структуры языка [1, с. 451].

Не отвергая, в целом, связи между семантическими и синтаксическими аспектами языковой структуры, отметим все же существенные особенности синтаксиса как раздела грамматики, который занимается исследованием отношений «знаков друг к другу» [3, с. 3], а не анализом их значений и их объединением в рамках высказывания как семантика. Разграничение синтаксиса и семантики; кроме того, влечет к разграничению двух аспектов правильности построения языкового выражения естественного языка – синтаксического и семантического [4, с. 194].

Непосредственно в высказывании функционально-синтаксические отношения также проявляются как в процессе взаимодействия разных языковых единиц, так и в выполнении ими специфических функций. Взаимодействие между высказыванием, говорящим и отражаемой ситуацией может быть представлено как:

Как мы видим, функционально-синтаксическая классификация языковых единиц основывается на их возможности (т.е. актуализированной потенци) выполнения определенных функций в высказывании. Учитывая гибкость системы современного английского языка, подчеркнем возможность выполнения единицами, традиционно относящимися к одной части речи, синтаксических функций, традиционно характерных для других частей.

Приведем несколько примеров, так, для существительного наиболее характерно выполнение синтаксических функций: подлежащего («*The book I was reading was this book I took out of the library*» (J. Salinger)), дополнения («*.../they never had any chairs in their room*» (J. Salinger)), предикатива («*.../God knows frank was a real Casanova by this time*» (E. Segal)); кроме того, им присуще выполнение не столь типичных функций, например, определения в *a stone wall, a speed limit*, обстоятельств в *in the park, without help, in summer* и т.д. Основной функцией прилагательного является определение (*Ted, if it'll help any in the existential dilemma, I want you to know that you've always got tenure with me /.../* (E. Segal)); однако менее типично выполнение им функций предикатива: *All sensible people are selfish* (E. Segal), подлежащего (для субстантивированных прилагательных). Традиционные числительные и местоимения способны занимать позиции, свойственные существительным и прилагательным: *If it could be ratified by two-thirds of me states, the equality of male and female would become the law of the land* (E. Segal); *My Harvard twenty-fifth Reunion is next month and I'm scared to death* (Ibid.); *Dan's too young and clever to let himself get hooked so soon* (Ibid.).

Последствия функциональной переориентации для современного английского синтаксиса значительны: *All the while he discoursed fluently in the features of this or that church or square* (F. Symons); *So the frank eye-to-eye look meant that Derek was up to something* (J. Symons); *I showed him what's what* (J. Symons); *If that's no go, employ a private detective* (J. Symons); *The maid, twenty years younger, and with a little more meant on her but not m good looking* (E. Leonard); *If I'm convinced he did it, it doesn't matter a jot to me how he did it* (A. Christie); *And expected him to kelp her out in some way /.../* (E. Leonard) и др.

Отметим, что определенные устойчивые образования, с семантической точки зрения, представляющие единые номинативно-когнитивные комплексы, способны и в синтаксическом аспекте выполнять единую функцию в высказывании: подлежащего (*Neither of my friends was there* (C. Murray); *A sunburnt man with a gray beard, in white clothes wearing helmet came to meet us* (A. Christie); *The night telephone was hooked to a tape-recorder that automatically began regarding when the telephone bell rang* (F.H. Chase); */.../ whether she*

ever tried or no lay hidden in her own closed heart (Ch. Dickens); /.../, there was a great turmoil, and come-and-go of horses and of dealers and rooms (D. Lawrence)), сказуемого (*She had worked herself into a passion /.../ (J. Joyce)*), дополнения (*He crooked a sausage finger at the waiter (K. Mansfield); "I'll tell you why I asked you to come," said Gilbert (O. Henry).*

Синтаксис выступает как основная сфера выявления коммуникативной функции, поскольку в его законченных конструкциях предложениях – формирующаяся мысль находит завершение, оформляется и высказывается. Отсюда, и внимание к членам предложения как составляющим его компонентам – предложения не даны в готовом виде, они каждый раз заново «собираются» из единиц, отбираемых продуцентом для наиболее адекватного выражения своей информации и интенции, которым в предложении придаются функциональные, синтаксические значения.

Не отвергая систему семантического синтаксиса и семантических ролей, которые выполняют члены предложения, все же считаем целесообразным отметить некоторые преимущества функционального подхода к анализу синтаксических данных. Мы считаем, что главное внимание следует уделить предложениям как единицам языка, а высказываниям как продуктам речевой деятельности активного субъекта. Именно в эти речевые образования функциональный подход позволяет анализировать функциональные особенности конкретных единиц номинации. Кроме того, в рамках функционально-синтаксического подхода прослеживается зависимость категориальной семантики языковых единиц от их функционально-синтаксических особенностей, т.е. ролей, выполняемых в высказывании, и занимаемой позиции.

В современном английском языке, если исходить из этого подхода, синтаксическая функция является главным признаком принадлежности слова к какой-либо части речи при общем лексическом значении основы: *We equal our rights (v); Dress them equal (Adv); He has no equal (n); We are on equal terms (Adj).*

Синтаксическая функция английской языковой единицы определяет ее семантику из-за особенной структуры современного английского языка, например, *an egg* как исчисляемое существительное и *egg* – неисчисляемое (*He spilled egg on his napkin*), а выполнение функции субъекта (агента) характерно для субстантивных выражений и для типично инфинитивных словосочетаний (*To do it this way would be a mistake*).

В любом случае, главная задача высказывания – передача необходимого содержания. Единицы языка, кроме того, что несут значение, вступают также в парадигматические и синтагматические отношения между собой. Они ведут себя, как и подобает языковым знакам – двусторонним материально-идеальным сущностям.

Что касается передачи когнитивного содержания, то этот аспект поведения и сущности единиц номинации уже рассмотрен нами ранее. Поведение же данных элементов языковой структуры в высказывании, ее сущность в аспектах парадигматики и синтагматики имеют также свои особенности. Если парадигматический аспект связан с выбором той или иной единицы из множества способных занять данную синтаксическую позицию в высказывании, то синтагматический аспект, в свою очередь, также тесно связан с контекстом,

но уже в плане взаимодействия со своим окружением в высказывании. Таким образом, функциональный анализ языковых единиц в высказывании, хотя и представляет собой комплексное исследование, все же опирается на использование данных, поставляемых контекстом.

На синтаксическую форму, т.е. структуру синтаксической конструкции, влияет как макроконтэкст (т.е. синтаксическое образование большего объема, чем предложение, напр., сложное синтаксическое целое), так и миниконтэкст (т.е. предложение, в рамках которого выделяется данная синтаксическая конструкция).

Зависимость конструкций от синтаксической организации миниконтэкста проявляется, в частности, через категорию коррелятивности [5, с.12], которая и позволяет произвести функционально-синтаксический анализ конструкций, содержащих корреляторы, т.е. местоимения, местоименные наречия и другие слова и синтаксемы, совокупность которых составляет категорию коррелятивности.

Анализ языкового материала в направлении от содержания к средствам выражения в конкретной речевой ситуации дает возможность преодолеть внутрисистемную ограниченность традиционного компонентного анализа, связать строение системы номинативных единиц со средой. Иными словами, определение специфики функционального подхода от содержания к средствам его выражения в конкретной позиции.

Коммуникативность проникает в сферу номинативных единиц и в виде ценностного отношения носителя языка к предоставляемым языковой системой вариантам высказываний. Своеобразие позиций языковой единицы объясняется тем, что актуализируемый в этой ситуации вариант соотносит не слово и мир, а слово и систему слов. Безусловно, что все свои особенности слово и другие единицы номинации получают только в высказывании, т.е. в результате своей актуализации. Поскольку любая актуализация языковой единицы представляется возможной лишь посредством ее взаимодействия с другими единицами ее же уровня, то в ходе совмещения их валентностных и контекстуальных особенностей происходит функциональный процесс построения высказывания. Без синтагматики, а также синтаксических особенностей всего предложения становится невозможным определение тех или иных функций конкретных языковых единиц. Таким образом, построение функциональной классификации языковых единиц на основе синтаксических данных призвано выделить и обобщить не только наиболее существенные свойства, но и существующие между ними отношения в системе современного английского языка.

Функционально-синтаксический критерий показывает, как конкретная языковая единица служит выполнению своей цели в процессе высказывания. Речь идет о выявлении реально существующих качеств единиц номинации. Такой подход позволяет их системно описать, а также отражает диалектический характер связей, которые существуют на определенном этапе развития языка и изменяются синхронно с появлением новых семантических и грамматических тенденций. Учет функционального критерия, тем самым, полностью подтверждает тот факт, что язык относится к открытым, развива-

ющимся системам. Именно поэтому для языковой системы характерны некоторые переходные явления и отсутствие четких границ между отдельными классами единиц, что приводит к количественным изменениям, как в каждой отдельной группе, так и в системе языка в целом. Более того, как показывает анализ истории английского языка, в ходе ее исторического развития изменяется не только набор классов, т.е. их основные функционально-семантические особенности, но и грамматические качества.

Кроме того, важна связь синтаксических особенностей языковой единицы с определенными категориями мышления. Однако она проявляется несколько по-другому, а именно – структура высказывания закладывается уже в мозге человека, т.е. наряду с построением смысловой цепи речи, мы моделируем и их аранжировку, а также заполнение позиций, которые необходимы для передачи соответствующей информации говорящим. Соответствующая модель, сформированная в ходе исторического развития языка, каждый раз наполняется новым индивидуальным содержанием. В ходе реализации данной модели, что является важной типологической чертой современного английского синтаксиса, наполняемость ее может существенно отличаться. Иными словами, одна и та же словоформа способна занимать взаимоисключающие позиции. Точное понимание функциональных особенностей языковой единицы позволяет, таким образом, снять проблемы, связанные с закреплением за определенной единицей номинации некой синтаксической функции. Мы же исходим из анализа реального дискурса, т.е. определяем функцию каждой конкретной единицы вне зависимости от ее морфологических, семантических, словообразовательных характеристик.

По функциям в речи языковые единицы могут быть классифицированы следующим образом.

1. Субъекты (выполняют функцию деятеля, субъекта действия, предмета высказывания): *London is the capital of Great Britain. What I need is to be left alone. She is expected to become a teacher. The second was your friend. The dead were buried yesterday. «And» is a conjunction. My sister and I were busy last Sunday. To worry was as bad as to be afraid. It was rather cold yesterday. None can do it. For him to go there is a pleasure. Walking is fun. There was no going back.*

Как видим, предметное содержание субъекта может существенно меняться в зависимости от того, каким образом представлен деятель, субъект действия или предмет высказывания. Он может быть определенно-личным, неопределенно-личным, обобщенно-личным и безличным. Причем, безличный субъект не называет, по существу, никакого реального предмета. Его роль структурная – он замещает семантически пустую позицию синтаксического предмета и сохраняет необходимую двусоставность предложения. Формальный субъект может либо быть безличным (*It is warm*), либо вводить значимый субъект (*There is plenty of food on the table*).

2. Предикат (характеризуются функцией состояния, действия процесса): *We think of going to the theater together. He is going to see his friend. He took care of the whole family. We paid attention to that magnificent canvas.* Позиционно предикат находится сразу за субъектом. Они тесно связаны и по функциональным характеристикам, составляя ядро высказывания.

3. Предикативы (идентифицируют, классифицируют и характеризуют субъект): *She is a student. You are always wrongs I think. I am more or less today. She, a teacher! The child started crying all at once. The sun rose red. You look tired. We can swim quickly. It is me. She was the first to leave home. The street was deserted. Mrs. Sandford is out. Seeing is believing. My intention is to help, my friends. You sad! We used to buy tea at this shop. As we continued to smile his gayety vanished. Fruit taste sweet. He remained Silent. You are not who I thought you were.*

4. Объекты (выполняют функцию объекта действия и высказывания): *I have never told you a thing about it. I'm sure you are right. Finally, he found the third on the hill. He insists on doing everything in time. We agreed to stop for a while. I've got a lot of news for you. She smiled a pleasant smile. I saw her cry in the garden. Do you object to my seeing her on Tuesday? He waited for her to come. I find it desirable to take care of your friends.* Одной из отличительных функциональных особенностей единиц данного класса является их соотносительность с субъектами. Вместе с тем, отметим и то, что объекты – предметные уточнители предикатов. Однако же при наличии нескольких соположенных объектов каждый последующий уточняет уже не предикат, а всю предыдущую функционально-синтаксическую группу. Таким образом, объект – в основном именной компонент предмета высказывания, зависящий от признака (предиката) и служащий его уточнением.

5. Атрибуты (функционируют как признак предмета, его качества): *It is an interesting film. This is a book for you to read. This stone wall was built last year. It is a letter for my bosom friend. Here's some, money for you to play the bill. She arrived two weeks ago. We caught the sound of children's cries. We gazed at her with an aloof air. They made their way up the creaking stairs. There is none to blame. He helps negotiations with the men Prime Minister. The snow showed no sign of stopping. He talked about his native city of London. Everybody knew Mr. White, the local doctor, in the vicinity. For a moment I hesitated, unable to start talking. «It was not one of the floor-washing mornings, but just one of the ordinary dust-and-round-sweep-up-a-bit mornings» (J.B. Priestley). My cousin, who lives in Bulgaria, came to see me last week.* Если в высказывании несколько атрибутов соположены линейно, то их функциональные характеристики соответствуют некому строгому порядку: 1) детерминативы (*determiners*); 2) характеристики числа (*ordinals*); 3) перечислители (*enumerators*); 4) эпитеты (*epithets*); 5) характеристики размера (*size*); 6) формы (*shape*); 7) возраста (*age*); 8) цвета (*colour*); 9) происхождения (*origin*); 10) вещества (*substance*); 11) адьюнкты существительные или герундии (*noun or gerund adjuncts*); 12) адвербы (выполняют функции указателя места, времени, причины, цели, следствия, условия выполнения действия, меры и степени признака, уступки и сопутствующих обстоятельств): *On coming in she understood it all at once. He smiled happily. She spoke in a low voice. In the morning we go jogging. We left without saying a word. This task is quite easy for me to solve. We found him upstairs. Are you angry because of my being rude? I'll come earlier if necessary. Weather permitting, we'll go hiking tomorrow. He hurried home to find the door locked. Everyone was present except you. Jim speaks French like a Frenchman. If you ask me to go to the, supermarket, I'll go there immediately.* Если функция атрибутов –

специализация, уточнение предмета, то адвербов – уточнение признаков особенностей, выраженных предикатом или атрибутом. В современном английском языке адвербы, в основном, не зависят от валентностных особенностей единиц других классов.

б. Коннекторы выполняют связующую функцию в высказывании, а также дополнительную функцию, внося в высказывание дополнительный компонент. Отметим, что коннекторы функционально зависимы от тех компонентов структуры высказывания, с которыми они употребляются в соположении. К ним относятся: *It is on the table. Let us go down town. John and Mary are in the kitchen. We should have done this task much earlier than you. He stopped coughing all of a sudden. He remained silent even then. You seem frustrated. He grew strong.*

Самодостаточные функциональные единицы практически не связаны с передачей основной информации, а лишь указывают отношение продуцента либо к реципиенту, либо к предмету высказывания, а также отдельные из них могут представлять собой реакцию на слова собеседника в дискурсе или на речевую ситуацию. В целом, возможно, их исключение из высказывания без угрозы для передаваемой информации, интенция же продуцента высказывания не будет в этом случае передана адекватно: *Maybe, you are busy. Really? Yes, of course.*

Основания морфологической и функционально-синтаксической классификаций различны. Если морфологические классы тяготеют к лексическому значению, то функционально-синтаксические – это классы, объединенные общностью выполнения синтаксических функций, поэтому члены одной морфологической парадигмы могут выполнять различные функции в высказывании, что способствует открытости каждого из функциональных классов, то есть, их активному пополнению в речи.

Таким образом, перспективы дальнейших исследований мы видим в изучении речевых особенностей изъявительного наклонения английского языка при переводе.

Список литературы

1. **Лингвистический энциклопедический словарь** / под ред. В.Н. Ярцевой. – М. : Прогресс, 2017. – 685 с.
2. **Старикова Е.Н.** Проблемы семантического синтаксиса / Е.Н. Старикова – М. : Наука, 2019. – 123 с.
3. **Степанов Ю.С.** В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю.С. Степанов – СПб. : Каро, 2015. – 331 с.
4. **Степанов Ю.С.** Имена. Предикаты. Предложения / Ю.С. Степанов – М. : Высшая школа, 2019. – 361 с.
5. **Макаров М.Л.** Основы теории дискурса / М.Л. Макаров – М. : Наука, 2019. – 280 с.

Tkacheva E.A.

**Functional and Syntactic Features of the Speech Implementation
of the Indicative Mood of the English Language**

This article deals with the features of the speech implementation of the indicative mood of the English language on the example of well-known foreign works. The author analyzed the real discourse, i.e. the functions of each specific unit are determined, regardless of its morphological, semantic, word-formation characteristics.

Key words: *syntax, indicative mood, linguistic units, functional-syntactic classes.*

Фомина Светлана Борисовна,
канд. филол. наук,
доцент кафедры теории и практики
перевода и общего языкознания
ГОУ ВО ЛНР «ЛГУ им. В. Даля»
sbfomina@gmail.com

Взаимодействие и взаимовлияние терминологии и фразеологии

В статье рассматриваются подходы к рассмотрению языковой природы термина, проанализированы и обобщены проблемы термина и терминологии, изложены точки зрения ученых относительно статуса термина в современном языкознании. Рассмотрены единицы, обладающие терминологическим и фразеологическим значениями, одновременно фигурирующие в современном английском языке как термины и фразеологизмы. Показаны результаты взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии.

Ключевые слова: *термин, терминология, семантика, фразеология, терминологизация, фразеологизмы.*

Процесс пополнения словаря, появление новых слов и словосочетаний непосредственно связаны с взаимодействием экстра и интралингвистических факторов: бурный процесс в науке и технике, развитие социальных коммуникаций, междисциплинарные отрасли науки – все это влияет на проникновение терминов как в общелитературный, так и в повседневный язык, пополняя и обогащая его. В процессе научно-технического прогресса, многочисленных открытий в различных областях знания в любом естественном языке возникают новые специальные понятия. Для их отражения в лексике существуют такие способы словообразования и семантизации: 1) создание нового слова; 2) расширение семантической структуры слова, уже имеющегося в языке; 3) дифференциация значений между словами, уже существующими в языке, т.е. сужение семантической структуры слов, или конкретизация.

Актуальность исследования объясняется тем, что в настоящее время термины различных областей знания все чаще проникают в общепотребительный язык, где, приобретая новые значения, начинают употребляться как совершенно иные образования, характеризующиеся устойчивостью. Термины, имея языковое начало, включают в себя как когнитивное, научное, так и специальное знание [2, с. 41; 3, с. 21].

Исследование проблем словообразования на материале терминологии различных сфер знаний приобретает все большую актуальность, поскольку терминология непосредственно отражает все новое, что происходит в различных областях науки и техники, экономики и политики, и представляет собой наиболее живую часть словарного состава языка, которая постоянно развивается и обновляется. В связи с этим можно предположить, что в области тер-

минологического словообразования находят отражение новейшие тенденции в словообразовании вообще.

Научно-техническая терминология представляет собой совокупность лексических единиц, образует открытую систему, обладает транзитивным свойством перехода из одной специальной сферы в другую. Основными источниками воздействия на нее являются общеупотребительный язык и системы терминов различных языков, с лексическим фондом которых происходит постоянное взаимодействие. Терминология – достаточно сложное образование, которое функционирует по общим законам развития. В свою очередь, она состоит из микросистем для обслуживания различных отраслей (экономики, финансов, бухгалтерского учета, политики, аудита, и т.д.). За последние года роль экономических, политических, технических явлений в жизни общества неуклонно растет, соответственно, возникают новые проблемы и задачи, что, безусловно, способствует постоянному совершенствованию и обновлению лексического состава языка.

Особый интерес представляют единицы, обладающие терминологическим и фразеологическим значениями одновременно и фигурирующие в современном английском языке как термины и фразеологизмы. Не вызывает сомнения утверждение Е.И. Головановой о том, что «в области фразеологической номинации оказываются сопряженными результаты абстрактно-логического и наглядно-образного мышления. Фразеологические единицы становятся переходной зоной, где осуществляется взаимодействие двух видов сознания» [1, с. 74].

Объектом исследования выступает терминообразование в английском языке.

Предметом – особенности перевода терминов, а также многочисленные семантические связи, возникающие в процессе терминологизации фразеологических лексических единиц.

Целью данного исследования является выявление основных продуктивных моделей и способов перевода производных терминов на русский язык; показать результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии, а именно, появление новых образований, названных терминологизмами.

Типологическая классификация терминологизмов позволяет выделить следующие их типы: лексический аспект (по наличию терминологических элементов в составе единиц); грамматический аспект; стилистический аспект; энциклопедический аспект (подразумевает дополнительные знания).

При переводе чаще всего встречается такой вид соответствий, при котором некоторые слова в исходном словосочетании передаются дословно на русский язык, то есть на уровне слов, в иных случаях передается общий смысл – эквивалент либо аналог на уровне словосочетаний. Таким образом, фразеологизмы передают культурную информацию как на денотативном, так и на коннотативном уровне.

Фразеологические единицы выступают неотъемлемой частью языков профессиональной коммуникации. В связи с универсальным характером фразеологической номинации они представлены во всех сферах языка профессиональной коммуникации. В результате терминологизации фразеологических

единиц они приобретают специальное значение и становятся полноправными членами политической, экономической, спортивной, военной и других терминологий.

Примером фразеологизма, испытавшего на себе процесс терминологизации и ставшего частью экономической терминологии, является сочетание *fallen angel* (фразеологическое значение: «падший ангел, злой дух, дьявол», терминологическое значение (эконом.) – высокодоходная компания, потерявшая свой рейтинг; компания, рейтинг которой понизился (согласно словарю АРБС) [5].

Итак, фразеологические единицы испытывают процесс терминологизации, и единицы, развившие терминологические значения, становятся частью различных терминосистем.

Лексические единицы, проанализированные ниже, представляют собой сверхсловные образования, являющиеся одновременно термином одной терминосистемы, фразеологизмом и термином другой терминосистемы. Иными словами, – это терминологизмы, которые стали терминами других терминологических систем.

Во фразеологических и терминологических словарях термин *stalking horse* может трактоваться следующим образом: охотничий термин – заслонная лошадь; фразеологизм – отговорка, подставное лицо; политический термин – фиктивная кандидатура; кандидатура, выдвигаемая с целью раскола голосов сторонников другой партии. В охотничьей терминологии данная единица означает специальный прием, когда охотники прячутся за лошадью, чтобы не спугнуть добычу раньше времени. При переходе данной единицы в нетерминологический контекст у нее появилось значение «предлог» для того, чтобы скрыть истинные намерения или скрыть правду, применительно уже к человеку. Со временем словосочетание *stalking horse* приобрело в политическом языке значение «фиктивная кандидатура» [4, с. 31, 6].

Таким образом, процесс терминологизации представляет собой поэтапный процесс перехода термина в терминологизм, а терминологизма в новый термин.

Некоторые термины оказывали такое влияние на язык, что на их основе возникли другие термины. Так произошло со словосочетанием *a dark horse*. Первоначально оно употреблялось только применительно к спортивной сфере, а именно, к скачкам и означало «лошадь, о которой ничего не известно и на которую никто не ставит». Однако термин перешел в разряд фразеологизмов, стал употребляться в переносном смысле «темная лошадка», «малоизвестная личность». Впоследствии термин *a dark horse* приобрел другое терминологическое значение – «малоизвестный кандидат», что применительно к американской политической терминологии [4, с. 27].

Анализ лексических единиц, показал, что они могут переходить из общей лексики во фразеологизмы, а также в разряд терминов различных терминосистем:

– экономика, финансы: *give way*: фразеологизм – отступить, дать волю, термин – понизиться в цене; *act of God*: фразеологизм – стихийное бедствие; термин – стихийное бедствие (во фрахтовых контрактах и страховых

полисах); *at a premium*: финансовые термины – ниже/выше номинальной стоимости, во фразеологии используется в значении ходовой /неходовой (о товаре, либо услуге); *fallen angel*: фразеологизм – *падший ангел, злой дух, дьявол и падший ангел* (о женщине), терминологическое значение (экономика) – *ценная бумага на рынке США, стоимость которой упала ниже первоначальной*; *to catch a cold* (буквально – простудиться), терминологическое значение (финансы) – *потерять деньги в деловой сделке*;

– политика: *appeal to Caesar*: книжное, фразеологизм – *обратиться к высшей власти*, термин – *обратиться с призывом к избирателям на выборах*: “*If this policy... were not accepted as the policy of the Government... I should feel it my duty to appeal to Caesar*”. (Suppl) – *Если эта политика... правительства не встретит одобрения парламента... я буду вынужден назначить всеобщие выборы и положиться на мнение избирателей* [6]; *favourite son*: фразеологизм – *кумир, избранник*, термин – *популярный политический деятель, лицо, выдвигаемое в президенты делегацией своего штата*; *stalking horse* – *кандидатура, выдвигаемая с целью раскола голосов сторонников другой партии*; *back the wrong horse*: фразеологизм – *ошибиться*, терминологизм – *поддержать не того кандидата*: *We backed the wrong horse in the election and our candidate lost badly* [6, 7]; *fight a running battle*: общая лексика: *вести бой, драться*, фразеологизм – *вести борьбу, заранее обреченную на провал*; *red tape*: буквально – *красная лента*, фразеологизм – *бюрократия*;

– юридическая терминология: *bed and board*: буквально – *квартира и стол*, условия проживания; термин – *супружеские отношения*; *hold good*: иметь силу, сохранить свою ценность, термин – *быть в силе, иметь законную силу* (о договоре, соглашении); *man of straw*: фразеологизм – *ненадежный человек*, термин – *фиктивное, подставное лицо на процессе, воображаемый противник (при аргументации)*; *artificial person*: буквально – *искусственный человек*, термин – *юридическое лицо*; *attractive nuisance*: термин – *источник опасности*; *both-to-blame clause* – *оговорка о смешанной вине*; *vicarious liability* – *условная ответственность за чужую вину*;

– математические и физические термины: *point of view*: термин – *точка обзора, клише – точка зрения*; *squaring the circle*: термин – *квадратура круга*, фразеологизм – *что-либо неразрешимое, нечто несуществующее*; *to go round in circles*: фразеологизм – *ходить по кругу*; *a corner stone*: фразеологизм – *краеугольный камень*, в архитектуре – *угловой камень*; *critical mass*: физический термин – *критическая масса*, фразеологическое значение – *большое количество*;

– военная терминология: *Black Maria*: фразеологизм – *тюремная карета*, термин – *немецкий дымовой снаряд* (в I Мировую войну); *hot corner*: фразеологизм – *опасное положение*, термин – *горячая точка, жаркий участок боя*; *action stations*: терминологическое значение – *занять боевые позиции!*», «*все по местам!*»; *be off the beam*: авиационный термин – *идти по радиопеленгу/ сбиться с радиопеленга*, фразеологизм – *ошибаться, сойти с праведного пути* [6];

– спорт: *rough stuff*: фразеологизм – *грубое обращение; насилие*; термин – *грубое нарушение правил* [6].

Таким образом, термин-фразеологизм (терминологизм) как прагматическая единица реализует свой потенциал передачи и манипулирования инфор-

мацией в содержании понятия, номинированного термина-фразеологизма, что привлекает внимание адресата, доносит взгляд автора, его отношение и оценку описываемых фактов, явлений, событий.

Изучение терминообразования как особого типа словообразования имеет важное теоретическое и практическое значение: в теоретическом отношении – обогащает наше представление о терминологической системе и ее образовании, показывает его терминологическую специфику; в практическом – способствует решению проблем процесса перевода, систематизации и стандартизации терминологии, поэтому перспективы дальнейшего исследования мы видим в исследовании проблем словообразования на материале терминологии различных сфер знаний.

Список литературы

1. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие / Е.И. Голованова. – М. : Флинта ; Наука, 2011. – 224 с.
2. Зяблова О.А. Экономическая лексика современного экономического языка: становление и особенности функционирования / О.А. Зяблова. – М. : Наука, 2004. – 166 с.
3. Лейчик В.М. Применение системного подхода для анализа терминосистем / В.М. Лейчик // Терминоведение, 1993. – Вып. 1. – С. 19–30.
4. Никулина Е.А. Терминологизмы как результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии современного английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Никулина Елена Александровна; МПГУ. – М., 2005. – 40 с.
5. Терехов Д.Ю. Англо-русский словарь по бухгалтерскому учету, аудиту и финансам: 35.000 терминов / сост. Терехов Д.Ю. – М. : Аскери, 1994. – 512 с.
6. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dic.academic.ru>, свободный. (Дата обращения : 15.09.2021 г.).
7. Mercer A., Deane C., McGeeney K. Why 2016 election polls missed their mark / A. Mercer, C. Deane, K. McGeeney [Electronic resource] / Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/11/09/why-2016-election-polls-missed-their-mark/>, свободный. (Дата обращения : 15.09.2021 г.).

Fomina S.B.

Interaction and Interference Patterns of Terminology and Phraseology

The article discusses approaches to the consideration of the linguistic nature of the term. The problems of the term and terminology are analyzed and generalized. The points of view of scientists regarding the status of the term in modern linguistics are discussed. The units that have terminological and phraseological meanings at the same time, and functioning as terms and phraseological units in modern English are considered. The results of interaction and interference patterns of terminology and phraseology are shown.

Key words: term, terminology, semantics, phraseology, terminology, phraseological units.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

УДК 821.521-32.09

Ли Екатерина Сергеевна,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
ekaterina.li.93@mail.ru

Аллюзии в ранобэ Кафки Асагири «Великий из бродячих псов»

Данная статья посвящена рассмотрению аллюзий в ранобэ «Великий из бродячих псов». В статье раскрывается термин «аллюзия» и анализируются аллюзии данного комикса, акцентируется внимание на отличительных особенностях ранобэ.

Ключевые слова: *ранобэ, лайт-новелла, аллюзия, литературный жанр.*

Японская литература имеет двухтысячелетнюю историю и считается одной из ведущих литератур в мире, сопоставимой с англоязычной. Она включает в себя целый ряд жанров и форм, в том числе романов, стихов, драм, путешествий, личных дневников, коллекций случайных мыслей и впечатлений.

Чувственный и эмоциональный японский язык способен передавать мельчайшие нюансы красоты окружающего мира, что и определило его созерцательную, величавую природу, скрытое ощущение тайны, мистики, разлитой вокруг. Японская литература претерпела различные трансформации во многих жанрах, и на сегодняшний день одними из самых популярных являются такие виды, как манга и лайт-новеллы, что, в свою очередь, послужило причиной возникновения популярного японского жанра анимации – аниме.

Наиболее популярной формой литературной интертекстуальности является введение одних текстов в другие во фрагментарном виде. Подобные «включения» и «отсылки» к предшествующим литературным фактам принято называть аллюзией. Значение слова аллюзия происходит от *alludere* (латинский), в переводе «играть или шутить» [3, с. 47].

Несмотря на то, что это древний прием, тенденция к символичности в литературе начала проявляться только в прошлом веке. С ростом популярности данный аспект стал более привлекательным для исследователей фигур и методов литературы. Известно, что термин «аллюзия» появился во многих европейских языках еще в XVI веке. Но, несмотря на давнюю традицию использования этого слова в зарубежном литературоведении и языкознании, само явление начинает активно изучаться лишь в конце XX века.

Аллюзия, по мнению Н.Н. Романовой, это «стилистическая фигура, содержащая явное указание или отчетливый намек на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи» [3, с. 56].

В свою очередь, Н.М. Разинкина определяет аллюзию как «косвенное указание с помощью слова или словосочетания на какой-либо исторический, географический, литературный или библейский факт» [4, с. 38], то есть, аллюзия обладает экспрессивным потенциалом, помогает создать возможности многозначной интерпретации текста, таким образом, выявляя его стилистическое богатство. Другими словами, помогает автору создать необходимый образ и придать ему дополнительный смысл, а читателю – понять и ощутить (при наличии фоновых знаний) мысль автора.

Феномен аллюзии как одной из разновидностей цитации начал активно изучаться не только литературоведами, но и лингвистами лишь в конце XX века, с началом антропологической переориентации общей парадигмы гуманитарных и собственно филологических исследований, позволившей по-новому взглянуть на человека и его творчество. Поэтому неудивительно, что многие вопросы, связанные с цитацией вообще и с аллюзией в частности, являются в настоящее время не до конца проясненными.

Несмотря на малоизученность данного феномена, мнение лингвистов является общим в одном: аллюзия представляет собой косвенную ссылку, скрытый намек на какой-либо исторический факт, произведение литературы или искусства, лицо или событие. В качестве денотатов аллюзий могут выступать при этом исторические события, эпизоды и персонажи литературных произведений, библейские и мифологические сюжеты [1, с. 88].

Так, например, Л.О. Машкова полагает, что аллюзия – это «не что иное, как проявление литературной традиции; при этом не проводится принципиального различия между имитацией, сознательным воспроизведением формы и содержания более ранних произведений и теми случаями, когда писатель не осознает факта чьего-либо непосредственного влияния на свое творчество...» [1, с. 59]. В то же время существует мнение, согласно которому аллюзия трактуется как осознанный писательский прием. В соответствии с данной точкой зрения использование аллюзии предполагает обязательное наличие авторской интенции.

Не совпадают мнения также в вопросе установления границ между цитатой и аллюзией. Аллюзия трактуется либо как «косвенная», «неполная», «осколочная» цитата, либо как одно из средств эзопова языка (намек на хорошо известный исторический или бытовой факт). При этом следует заметить, что терминологический обзор теоретической литературы по проблеме аллюзии свидетельствует о зыбкости границ между аллюзией и цитатой. Термин цитата может быть интерпретирован в широком и узком смысле. При таком подходе аллюзия может рассматриваться как один из видов цитации, или цитаты в широком смысле. Цитата же в узком смысле – это воспроизведение двух или более компонентов текста-источника с сохранением того способа описания события или положения вещей, который имеет место в тексте-доноре, хотя при этом возможно и несколько измененное воспроизведение цитируемого образца.

С этой точки зрения аллюзия представляет собой заимствование лишь отдельных, выборочных элементов высказывания, взятого из текста-источника, легко поддающегося «расшифровке» во вновь создаваемом тексте, но пре-

дикация уже заимствованных элементов осуществляется совершенно по-новому. При этом само высказывание из текста-донора присутствует в новом тексте лишь имплицитно, оставаясь как бы «за кадром».

Изучению аллюзий посвящено множество работ различных ученых, следовательно, существует и не одна классификация. Так, согласно англоязычным словарям литературных терминов, самая полная классификация видов аллюзии состоит из:

- аллюзии – ссылки на недавние события;
- личностной аллюзии – ссылки на факты биографии писателя;
- метафорической аллюзии, целью которой является передача сопутствующей информации;
- имплицитной аллюзии, которая имитирует стиль других писателей;
- структурной аллюзии, которая отображает структуру другого произведения [6, с. 197].

Следует заметить, что аллюзии обладают особой спецификой, отображая не только общеизвестные факты, но и литературные, исторические реалии, присущие исключительно определенной культуре, которые без должных экстралингвистических знаний переводчик вряд ли сможет понять и трансформировать.

Таким образом, можно сказать, что аллюзия – явление сложное и многогранное. Она может реализовываться совершенно разными способами: частично, в форме сходного слова, в форме прямого упоминания общеизвестного факта, лица, события, литературного произведения, и в форме цитаты, и в виде намека.

Основное условие, при котором действует механизм аллюзий, это предполагаемая общеизвестность источника аллюзии, его включенность в контекст, его общекультурная и национально-культурная значимость, что учитывается при выборе приемов перевода аллюзий на основе требования сохранения прагматических компонентов информации.

Одним из самых богатых на отсылки произведением за последние несколько лет является «Великий из бродячих псов» (文豪ストレイドッグス [Bungō Sutorei Doggu]) *Кадогавы Сэтэна*. Героями сериала выступают известные писатели конца XIX – начала XX веков. Несмотря на то, что создатели оригинала делают упор на прописывании отсылок, связанных с персонажами, сериал полон культурных аллюзий, здесь также имеются некоторые штампы, характерные для японских произведений всех жанров.

Так, например, уже в первой серии мы видим, как один из главных героев Осаму Дадзай пытается свести счеты с жизнью путем самоубийства. Стоит сказать, что понимание и принятие смерти у японцев всегда отличалось от европейского. В средневековой Японии самоубийства считались делом даже почетным – харакири, или сэппуку, совершали благородные самураи, искупая свою вину или пытаясь кровью смыть бесчестье.

Японцы спокойнее относятся к смерти. Это вовсе не означает, что они не боятся умереть – просто они меньше, чем люди западной культуры, страшатся мыслей о смерти. Прежде всего, потому, что они никогда о ней не забывают. Домашнее, бытовое отношение к собственной кончине берет на-

чало в религии – буддизме и конфуцианстве, ведь данные течения учат, что всему живому есть конец: распустившись, цветок неизбежно завянет.

В Японии существует лес Аокигахара, расположенный недалеко от горы Фудзи. Это место печально известно тем, что именно в этом лесном массиве ежегодно происходит примерно от 50 до 100 самоубийств. Возможно, многие японцы выбирают этот лес для самоубийства, прочитав роман Сэйтё Мацумото «Башня волн» [4, с. 94], в котором влюбленная пара кончает жизнь самоубийством именно в этом лесу. Аокигахара упоминается и в книге Цуруми Ватару «Полное руководство по самоубийству» [4, с. 139]. Еще в 1999 году власти Токио рассматривали вопрос о снятии этих книг с продажи, но в настоящее время они все еще находятся в свободном доступе. Отсутствие запрета в Японии объясняется, во-первых, не жесткими в части издания книг законами, а также отсутствием запрета на самоубийство в японской культуре в целом.

Время от времени, встретив симпатичную девушку, Дадзай то и дело намекает, что для исполнения его задумки совсем не лишней будет и партнерша. Это уже отсылает нас совсем к другому, однако весьма распространённому феномену в древней Японии – двойному самоубийству. К нему прибегали возлюбленные, которые не могли быть счастливы вопреки обществу: вопреки социальному статусу, семейному положению, материальному состоянию. В то время данный способ покинуть этот мир рассматривался скорее как своеобразное заключение брака. Здесь, на наш взгляд, проявляется принцип Сатори, в его религиозном понимании, ведь человек выбирает этот путь, познав отрешение от рутины и посторонних мыслей.

В одном из эпизодов сериала герои, ради раскрытия одного из своих дел, навещают молодого парня-хакера. Между ними завязывается диалог, в конце которого можно увидеть, как парень оттопыривает мизинец. Жест, который он показывает, ничего неприличного не подразумевает. На Востоке считается, что боги связывают красной нитью судьбы людей, которым предначертано встретиться и полюбить друг друга. У японцев эта невидимая нить повязывается на мизинец, так что оттопыренный палец как бы подкрепляет вопрос: «Не пойти ли мне на свидание?!». Данный мотив predetermined встречи часто встречается в сюжетах манги и аниме. И здесь мы уже наблюдаем воплощение принципа Югэн. В контексте всех произведений, освещающих данную легенду, лежит некая трепетная, мистическая атмосфера, впрочем, по неким причинам данная легенда оставляет после себя грустное послевкусие.

Другой, немного странной, но все же распространенной особенностью менталитета японцев является чрезмерная любовь к младшим сестрам. В разных литературных и анимационных произведениях, видеоиграх то и дело встречаются хвалебные оды их красоте и характеру. Так и в «Бродячих псах литературы» один из главных героев очень сильно привязан к своей сестренке Наоми, с которой практически никогда не расстается.

Любовь к младшим проявляется в абсолютно разных формах: сестренки выступают как объект чистой братской любви, так и предстают в амплу дамы сердца. Согласно японской мифологии, основные боги пантеона появились в результате любви богов Идзанами и Идзанаги, которые были близне-

цами разного пола. С этого времени, *твинцест* прочно закрепился в японской культуре как популярный символ запретной любви и красной линии судьбы одновременно. Чего уж там говорить, если по японским верованиям многие близнецы – это переродившиеся погибшие возлюбленные. Здесь просматривается принцип Югэн, воплощая недостижимую глубину чувств, вызванных намеком, указанием на бесконечно сложные, скрытые отношения.

Далее в одном из эпизодов мы встречаем Харуно Кирано, актрису с утонченными европейскими манерами, и нас заинтересовал момент, когда ее сравнивают с грубоватой «янки» Наоми. Здесь нужно заметить, что в японском обществе вплоть до XIX века женщине, в отличие от мужчин, не пристало проявлять свою волю, иметь личное мнение. Главными качествами хорошей жены считались покорность и скромность. Даже сейчас мужчины отдают предпочтение более кротким и послушным девушкам. Следует отметить, что здесь неявно, но вполне различимо заложен принцип Ваби-саби, под которым подразумевают скромную простоту и привлекательность бедности.

Слегка утрировано в лице одного из главных злодеев первого сезона выражена иерархия в обществе. В японской культуре человеческие взаимоотношения во многих сферах, начиная со школы, строятся по принципу сэмпай – кохай, то есть старший по положению – младший по положению, наставник – подопечный. В буквальном переводе слово **сэмпай** означает «предшествующий товарищ», «вышестоящий коллега». Соответственно, **кохай** – это «последующий товарищ», «нижестоящий коллега». Здесь едва различимо мы наблюдаем воплощение принципа Макото, с его раскрытием истинного положения вещей.

В конфуцианстве, откуда взяты эти правила, считается, что они помогают устранить внутреннюю конкуренцию и укрепить единство организации. Кроме того, такие отношения несут взаимную пользу в том смысле, что сэмпай учится помощи и ответственности, а кохай – благодарности и уважению.

Старший вправе понукать младшим, а тот, в свою очередь, обязан выполнять его поручения и выказывать уважение к его персоне. Разумеется, эти правила не прописаны на бумаге, однако их нарушение всегда вызывает бурное негодование и осуждение со стороны окружающих. Следует сказать, что, раз вступив в эти отношения, человек сохраняет их навсегда, даже если младший добился гораздо большего успеха и занимает более высокое положение.

Несмотря на правила старшинства, между сэмпаем и кохаем возможны дружба и любовь, что часто бывает отражено в манге (японских комиксах), аниме, фильмах и сериалах. К примеру, подростковая мелодрама «Ее сэмпай» (先輩と彼女 [Senpai to kanojo]) описывает развитие романтических отношений между учениками средней школы, которые оказываются в одном клубе по интересам. Девушка-кохай влюбляется в парня-сэмпай и добивается взаимности.

Пожалуй, еще одну особенность японского менталитета можно заметить, если хорошенько приглядеться к мелочам. Несмотря на то, что в

названии сериалы фигурируют «псы», герои сериала не отличаются сильной любовью к собакам, а некоторые персонажи их и вовсе ненавидят. Зато, как и все японцы, герои питают особую любовь к четвероногим пушистым друзьям. В Японии они не просто питомцы для услады глаз, но и священные животные. Такую популярность кошки получили благодаря влиянию буддизма. Первые буддистские монахи в Японии держали кошек при монастырях для сохранности книг от грызунов. Однако данное уточнение «от грызунов» в народной молве часто опускалось, в результате чего зародилось поверье, что кошки при монастырях являются хранителями священных писаний, что, собственно, и стало причиной особого статуса кошек в Японии.

Существует много туристических и развлекательных мест, связанных с кошками. В Токио, например, существует храм Готоку-Дзи, где почитают кошек. Верующие японцы, после смерти своих любимцев, устанавливают в храме на алтаре их портреты или небольшие скульптурки. Считается, что так и зародилась легенда о манэки-нэко.

Манэки-нэко – особый талисман, изготовленный из глины, фарфора или папье-маше. Основные атрибуты манэки-нэко: поднятая лапка, нагрудник, цвет (изначально фигурка была белой с черными и красными пятнышками) и монета. В быту считается, что левая поднятая лапка к деньгам, а правая – к удаче, но с коммерческой точки зрения: левая – приманивает клиентов, а правая – деньги [4, с. 59].

Остров Аосима в префектуре Эхимэ известен в Японии и во всём мире как «Кошачий рай». В прошлом домашние питомцы расплодилось настолько, что их численность в 7 раз превысила количество людей. Местных жителей всего 15 человек, в основном, это престарелые люди, а хвостатых жителей уже более 120. Однако Аосима – не единственный кошачий рай в Японии. Численность кошек, населяющих остров Тасиро, также превосходит местное население. За что остров и получил название «Нэкодзима» или «Остров кошек».

Еще одним весьма дорогим, но популярным местом в Японии, являются кошачьи кафе. Первое в мире кошачье кафе было открыто в городе Тайбэй (Тайвань) в 1998 году. Известие о необычном заведении быстро достигло Японии и привлекло множество японских туристов. Существуют различные кошачьи кафе, некоторые из которых специализируются на редких породах кошек, а некоторые отбирают животных по цветам. Однако во всех без исключения кошачьих кафе кошки и коты ухожены, здоровы, накормлены и радуют посетителей своим внешним видом.

К сожалению, во многих японских квартирах нельзя держать животных, но распространены аренды. Например, можно арендовать собаку или кота. Срок аренды варьируется от нескольких часов до нескольких месяцев. Однако тем, кому повезло завести пушистого питомца, тратят на него баснословные деньги, так как цены на содержание домашних животных в Японии весьма завышены. Слегка обобщенно, но все же здесь можно различить принципы Моно-но аварэ, ведь согласно его установкам, действительно ценные вещи скрыты в мелочах вокруг нас.

Один из персонажей, молодой парень Кэндзи, обладает нечеловеческой силой, проявляющейся только тогда, когда он голоден. На самом деле в япон-

ской культуре наблюдается совершенно противоположное явление – культура еды. История еды у японского народа отличается от европейской. По сути, базовый набор продуктов у японской кухни был весьма ограничен, и, казалось бы, она должна быть скромной, но японцы, не скованные религиозными практиками пищевого самоограничения и привыкшие, что к любой ситуации нужно адаптироваться быстро, наработали сотни комбинаций, например, существуют сотни японских блюд, в основе которых лежит рис – это и десерты, и сытные блюда, и закуски, и напитки. К тому же в каждой провинции традиции и базовый набор продуктов отличались, а также еда долгое время было разной для разных классов.

В XX веке японские товары начали распространяться по всему миру, начал расти интерес к японской культуре как таковой. Так весь опыт японской кулинарии стал служить «брендингованию» страны. Национальная кухня, как и многие другие вещи (аниме, традиционная культура) начала активно пропагандироваться, при этом одно «рекламировалось» через другое (например, особенностью многих аниме стало акцентирование пищевых привычек героев – вспомнить хотя бы любовь главного героя Наруто из одноименного аниме к рамену). Более того, эти самые пищевые привычки стали способом самоопределения в социуме.

Почти все японское телевидение посвящено японской кухне. Это не просто несколько кулинарных передач, так как ими никого сегодня нельзя удивить, ведь в Японии существует множество кулинарных телеканалов, которые круглые сутки транслируют передачи о японской кухне. Даже передачи о путешествиях посвящены тому, в какой стране какое блюдо необходимо попробовать. Кухонное ремесло в Японии уже вышло за пределы рутинной обязанности, превратившись в искусство. Здесь воплощаются все эстетические принципы от Макото до Ваби-саби. Ведь в процессе изготовления можно наблюдать множество изменений.

Таким образом, можно сказать, что в японском обществе существует масса стереотипов, совершенно отличных от любых ценностей в любом европейском обществе. На первый план здесь выдвигаются совершенно обыденные вещи, которым жители других странах не уделяют столь пристального внимания, принимая за должное. Конечно, на такое видение жизни большое внимание оказали буддизм и синтоизм, в основе которых лежит умение ценить простоту и видеть красоту в каждом дуновении ветра. Полученные на основе мотивного анализа материалы, наблюдения и результаты могут быть использованы при изучении курса японской литературы, в спецкурсах и семинарах, посвященных творчеству классиков, при изучении творчества и жизненного пути писателей в образовательных учреждениях различного уровня. Перспективы данного исследования мы видим в более детальном изучении аллюзий в современной японской литературе. Кроме ранобэ «Великий из бродячих псов» Кадогавы Сэтэн, по нашему мнению, было бы интересно изучить и другие японские произведения данного жанра.

Список литературы

1. **Арнольд И.В.** Проблемы интертекстуальности / И.В. Арнольд // Вестник СПбУ. – 1992. – № 23. – С. 53–61.
2. **Горегляд В.Н.** Японская литература VIII–XVI вв.: начало и развитие традиций / В.Н. Горегляд. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 1997. – 416 с.
3. **Кикиути Кан.** Современная японская литература. Гэндай нихон бунгакукан / XIX том [Текст] / Кан Кикиути, Ямамото Юдзо. – Япония : Токио : Гэндай Нихон бунгаку дзэнсю, 1967. – 225 с.
4. **Япония. Как ее понять.** Очерки современной японской культуры. – М. : АСТ; Астрель, 2006. – 320 с.
5. **Carter R.E.** Japanese arts and self-cultivation. – New York : SUNY Press. – 128 с.
6. **Iwasaka M.** Ghosts And The Japanese : Cultural Experience in Japanese Death Legends. – Utah: Utah State University Press, 1994. – 289 p.

Li E.S.

**Allusions in the light novel by Kadokawa Shoten
«The Great of Stray Dogs»**

This article is devoted to the consideration of allusions in the light novel «The Great of Stray Dogs». The term «allusion» is revealed and allusions of the given comic are analyzed in the article. Attention is focused on the distinctive features of the light novel.

Key words: *light novel, light novel, allusion, literary genre.*

УДК 821.411.21(620) – 31.09:929 Махфуз

Сайфутдинов Сардорбек Хайдар огли,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
mr.sayfutdinoff@mail.ru

Воплощение коранического образа Адама в романе Нагиба Махфуза «Дети нашей улицы»

В статье проанализированы особенности воплощения коранического образа Адама в романе Нагиба Махфуза «Дети нашей улицы». Сходство сюжетно-тематического и образного планов романа с исламскими преданиями призвано расширить рамки повествования и подчеркнуть важность поставленных автором морально-нравственных проблем. Для осмысления романа «Дети нашей улицы» необходимо обращение к Корану как основному источнику интертекстуальности, литературной диалогичности, аллегоризации, архетипического мышления и символизма.

Ключевые слова: *Коран, ислам, хадисы, литературный герой, прототип, аллюзия, аллегоризация.*

В произведениях художественной литературы разных времен и народов воплощаются и трансформируются сюжеты фольклора, народного мифотворчества, создаются аллюзии на фрагменты текстов священных писаний, рождаются вариации на «вечные» темы о сотворении мира, зарождении добра и зла и т.д.

Комплексный анализ творчества отдельных мастеров слова невозможен без понимания текстов, которые, безусловно, оказали свое влияние на формирование авторского мировоззрения, на особенность слога и манеру передачи образов и сюжетов. Часто именно сакральные тексты играли ключевую роль в становлении мировоззренческой позиции будущих писателей и поэтов, а сюжеты и образы «праректов» воздействовали на их творчество.

Когда мы говорим об арабской литературе, очевидно, что ключевую роль в формировании религиозно-философских убеждений писателей играл Священный Коран – основа исламского вероучения. Творчество арабского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе, Н. Махфуза невозможно в полной мере осознать и декодировать без осмысления основ исламского вероучения в целом и текста Корана в частности.

К вопросу исследования трансформации образов, символов, сюжетов текстов Священных писаний в художественной литературе обращались такие исследователи, как А. Гайнутдинова, В. Дорохина, Е. Жукова, А. Журавский, И. Каратавова, Р. Карими, Ф. Сибагатов, А. Хасавнех и др.

Творчество арабского писателя Нагиба Махфуза попадало в фокус внимания отечественных и зарубежных исследователей (Т. Вавичкиной, Ю. Власовой, Х. Гордона, Р. МакФаддена, Н. Найюфа, Е. Рашида, В. Сейфа, В. Швигель и др.), однако опыт переосмысления Корана в художественных произведениях автора ранее не анализировался.

Актуальность нашей работы состоит в необходимости осмысления авторской интерпретации коранического текста, что позволит в полной мере постичь образность и идейно-тематическую глубину художественной прозы Н. Махфуза. Цель исследования – проанализировать особенности воплощения коранического образа Адама в романе «Дети нашей улицы».

Исследователями отмечается сходство ключевых образов и сюжетов, лежащих в основе священных текстов монотеистических религий. К универсальным образам относится образ Адама – праотца рода человеческого, первого человека, созданного Богом. Адам как первый человек описан в Торе, Библии и Коране.

В романе Н. Махфуза «Дети нашей улицы» в образах главных героев воплощены образы четырех пророков. Согласно исламскому вероучению, Адам являлся не только первым мужчиной, но и первым пророком (человеком, избранным Богом для передачи духовных заветов) и первым халифом (предводителем мусульман, главой исламской общины). Знакомство читателей с литературными героями романа начинается с представления Адхама.

Адхам – первый ключевой образ, персонаж, с которого идет развязывание сюжетных линий. Такая последовательность в изображении героев произведения не случайна: от Адама идет род людской, от Адхама начинается история жителей Улицы. Провести параллель между Адхамом и Адамом читателю помогает не только использованный автором сюжет, но и созвучие имен героя романа и его прототипа из Священных писаний.

Сюжетная линия романа, рассказывающая о судьбе Адхама, довольно точно повторяет библейское и кораническое описание жизни Адама. Следует отметить, что Коран не приводит детального или системного описания жизни и поступков Адама, а лишь упоминает о нем в нескольких сурах: коранический текст как бы подтверждает ту информацию, которая была ниспослана в более ранних заветах.

Сравним образ Адхама, созданный Н. Махфузом, и образ Адама-пророка. Знакомство с Адхамом начинается с эпизода его признания отцом и провозглашения управляющим, то есть, старшим, «первым» над остальными братьями. Подобно тому, как Аллах повелел ангелам пасть ниц перед Адамом, назначая его своим халифом на земле, так же и отец семейства аль-Габалюи сказал своим сыновьям: «Свой выбор я остановил на Адхаме. Под моим надзором он будет управлять имуществом...» [2].

Выбирая Адхама из числа своих сыновей, аль-Габалюи подчеркнул, что выбор пал на Адхама благодаря имеющимся у него знаниям: «Адхаму знакомы имена арендаторов, многих из них он помнит по именам, и потом, он умеет писать и считать» [2]. Так же в Коране Аллах объясняет ангелам свой выбор Адама: «О Адам! Сообщи им имена их. И когда он сообщил им имена их, то Он сказал: „Разве я вам не говорил, что знаю сокровенное на небесах и на земле... „» [3, 2:33]. Таким образом, в основе выбора из числа прочих лежит знание, которым наделен Адхам и Адам-пророк.

Адам был принят всеми, кроме Иблиса, – джинна, низвергнутого с небес на землю. Подобно кораническому Иблису в тексте романа отцовскому слову перечит старший сын Идрис. Снова автором используется стилистический

прием созвучия: Идрис – Иблис. Гордыня Идриса, его отказ от повиновения отцовской воле послужили причиной изгнания молодого человека из Большого Дома, жизнь в котором была размеренной и счастливой, по истине райской.

Адхам, покорный отцовскому желанию, выполнял возложенные на него обязательства и наслаждался садом: «Нет ничего прекраснее жизни в саду под звуки свирели» [2]. Счастье Адхама стало более полным после его встречи с будущей женой Умаймой. Эпизод знакомства Адхама с Умаймой является яркой аллюзией на предание о создании Евы: «Вдруг он заметил, как из его тени вырастает другая, предупреждая, что из-за поворота сзади появится человек. Новая тень будто отделилась из его ребер. Он повернулся и увидел смуглую девушку...» [2]. Согласно Корану, супруга Адама была создана, чтобы скрасить его одиночество. Так и Умайма стремилась находиться подле своего мужа: «С тех пор Умайма всегда сидела рядом с ним в саду» [2].

Сад у Большого Дома – это воплощение образа джаннат, Райского сада, в котором Адхаму было предписано проживать со своей супругой, не испытывая ни в чем нужды. Текст суры аль-Бакара содержит такое же наставление Аллаха для первого человека: «О, Адам, пребывайте – ты и твоя жена – в раю. Вкушайте обильно от плодов его...» [3, 7:19].

Но, аналогично сюжету Священных писаний, Адхаму было суждено быть изгнанным из рая. Причиной послужило ослушание, жажда познания запретного. Предание гласит, что Ева послушала Змея, который в свою очередь послушал наущения Иблиса. В романе Н. Махфуза сходство с традиционной исламской интерпретацией истории об изгнании из рая заключается в том, что именно Умайма склонила супруга преступить порог дозволенного знания, а слова Идриса стали тем стимулом, который подтолкнул женщину к уговорам совершить грех. Иблис подталкивал к ослушанию обещаниями познания вечной жизни, Идрис настаивал на открытии тайны заветания аль-Габалауи ради детей, т.е. будущих поколений, которые даруют нам продолжение в веках, а значит бессмертие.

Н. Махфуз не только достаточно точно воспроизвел сюжетную линию коранических преданий о жизни первых людей, но и ввел в канву повествования многочисленные художественные детали, связывающие текст романа с текстом Корана и хадисов. Например, войдя в запретные отцовские покои, Адхам «...почувствовал, как в нос ударил резкий запах мускуса» [2]. В исламе этот аромат ассоциируется с наслаждениями рая, ранее неизведанными никем из смертных, т.е. запретными для человека. Коран гласит, что запахом мускуса запечатано райское вино, дарующее благоденствие и являющееся призывом для стремящихся и состязающихся. Обращение к Корану прослеживается не только в тематической, но и в формальной организации произведения. Не случайно текст романа «Дети нашей улицы» Н. Махфуза состоит из 114 глав, в то время как Священный Коран поделен на 114 сур.

Изгнание Адхама и Умаймы из Большого Дома на улицу, где уже жил Идрис (аналогично кораническому низведению Адама и Евы на землю, куда ранее был низвергнут Иблис), обрекло их на жизнь в нищете, необходимость тяжело трудиться дабы заработать на пропитание. У Адхама и Умаймы рождаются сыновья, которых они называют Кадри и Хумам. Имена самых извест-

ных детей Адама и Евы – Кабиля и Хабиля – начинаются с тех же букв. Зная об авторском стремлении давать персонажам имена с учетом сохранения их созвучия с именами прототипов, мы понимаем, какая судьба уготована сыновьям Адхама.

Убийство Кабилем Хабиля, совершенное на почве зависти, художественно воссоздается Н. Махфузом. Аллахом было отдано предпочтение Хабилю, что заключалось в принятии его подношения, в то время как дары Кабиля остались нетронуты. В тексте романа Н. Махфуза аль-Габальяуи, который воплощает в себе характеристики хозяина и вершителя судеб, желает приблизить к себе и вернуть в рай одного лишь Хумама. Кадри не смог смириться с подобным решением деда и нанес смертельный удар брату. Аналогично кораническому преданию, Кадри пришлось нести на себе тело своего убитого брата. Со смерти Хумама началась череда преступлений в произведении, так же как со смерти Хабиля ведется отсчет человеческих злодеяний.

В исламской традиции Адам представлен как раскаявшийся грешник, посвятивший свое земное существование служению Аллаху: он учил своих детей смирению, покаянию, беспрекословному повиновению воле Всевышнего. Адхам не позволяет сыновьям «...поминать деда плохим словом» [2], верит в его мудрость и принимает любые его решения, даже если они идут в разрез с его мечтаниями об одинаково хорошем будущем для потомков.

Образ аль-Габальяуи один из самых сложных в романе. В нем воплощаются черты богоравности, что усложняет восприятие персонажа. Аль-Габальяуи наделен неограниченной властью, правом вершить человеческие судьбы, способен даровать благоденствие, безопасность и защиту. Он может как принизить, так и возвысить, он видит истину и его невозможно обмануть: поступок Адхама был разоблачен, не успев свершиться, Кадри и Хинд не смогли остаться незамеченными, когда проникли в сад, мысли Хумама не могли быть утаены. Аллах начал род людской от низведенного на землю Адама, чьи потомки разбрелись по миру, Аль-Габальяуи лишил Адхама радостей Большого Дома, выгнав его с Умаймой за пределы «рая» – «...так на лице земли появилась наша улица. От них пошли все ее жители» [2].

Н. Махфуз проецирует историю основателя «...одной каирской улицы на весь мир, расширяя рамки повествования, глобализируя проблемы» [1, с. 26]. Воплощение коранической истории Адама в сюжетно-тематическом плане романа «Дети нашей улицы» позволяет автору не только художественно показать истоки мировых религий, но и затронуть моральные проблемы современного общества и человека, показать силу веры и привести к осознанию ответственности за каждый поступок. Проведенная параллель между пророком и обычным человеком призвана заставить задуматься о тщетности мирских забот и о том, что от каждого из нас может начаться новая история.

Таким образом, исследование влияния коранического текста на литературное творчество Н. Махфуза позволяет более полно осознать авторский замысел и оценить художественно-эстетическую и морально-нравственную ценность его произведений. Тема опыта переосмысления Корана в художественной прозе Нагиба Махфуза является малоизученной как в отечественном, так и зарубежном литературоведении, и требует дальнейших исследований.

Список литературы

1. **Вавичкина Т.А.** Проблема счастья в романе Нагиба Махфуза «Дети нашей улицы» / Т.А. Вавичкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. – №12–3 (78). – С. 25–28.
2. **Махфуз Н.** Дети нашей улицы / Н. Махфуз // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/1000534897-deti-nashej-ulitsy-nagib-mahfuz>, свободный. (Дата обращения : 23.09.2021 г.).
3. **Священный Коран.**
4. **Умарова Н.А.** Сравнительно-сопоставительный анализ арабского романа в литературах Иордании и Египта // Вестник науки и образования. – 2021. – №1–2 (104). – С. 35–37.

Sayfutdinov S.Kh.o.

The Embodiment of the Quran's Image of Adam in the Naguib Mahfouz's Novel «Children of Gebelawi»

The article analyzes the features of the embodiment of the Quran's image of Adam in the novel by Naguib Mahfouz «Children of Gebelawi». The similarity of the plot, themes and images of the novel with Islamic tradition is intended to expand the narrative framework and emphasize the importance of the moral and ethical problems posed by the author. It is necessary to refer to the Quran as the main source of intertextuality, literary dialogue, allegories, archetypes and symbols in order to understand the novel «Children of Gebelawi».

Key words: *The Quran, Islam, hadith, literary character, prototype, allusion, allegory.*

Хатнюк Анатолий Витальевич,
аспирант кафедры
русской и мировой литературы
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
hatnyuk.anatoly@yandex.ua

Эстетика античной Эллады как одна из основ концепции красоты Ивана Ефремова

Статья посвящена исследованию вопроса одного из главных источников влияния на творчество И. Ефремова, его мировоззрение – работы античных классиков Греции, их взгляды на красоту, способы её выражения, познания и то, как они были отражены в произведениях самого И. Ефремова.

Ключевые слова: *красота, гармония, целесообразность, Античность.*

«Решительно все виды чувств, доставляющие нам ощущение красоты, в своей основе имеют важное и благоприятное для нашего организма значение, будь то сочетание звуков, красок или запахов. Что линии, которые мы воспринимаем красивыми, гармоническими, построены по строгим математическим закономерностям, – это уже бесспорно» [3, с. 78] – эта цитата одного из главных героев романа «Лезвие Бритвы» (1963) И. Ефремова является современным продолжением идей, выраженных несколько тысяч лет назад философами и литераторами Эллады.

Именно мыслителями Античности были сформулированы основополагающие, равно как и важнейшие проблемы эстетики, а именно вопросы взаимоотношения действительности и эстетического сознания, сущности творческого процесса, природы искусства и его места в жизни социума. Именно они разработали теорию эстетического воспитания, проанализировали эстетические категории: прекрасное, гармония, мера, комическое и трагическое и т.д. В их теориях эстетические понятия получили глубокую интерпретацию. Потому, рассматривая творчество едва ли не каждого современного автора, мы попросту не имеем права игнорировать их идеи.

Цель статьи – определить влияние эстетики античной Эллады на основы концепции красоты И. Ефремова.

Сам писатель, воспитанный в государстве, многие культурные основы которого в то время прямо вытекали из античных идеалов, будь то поиск идеала в литературе и прочих искусствах, красота как объективное понятие, жизнерадостность и любознательность, не мог не подпасть под их влияние с ранних лет. Более того, И. Ефремов, занимавшийся помимо литературной деятельности, археологией, имел возможность ознакомиться со многими культурными вехами человечества. Выбор же свой он остановил, ища идеал, именно на эллинистической эпохе, пусть и частично воспринятой им через идеологическую призму времён, в которые он жил.

К счастью, такие идеи, как красота, можно отделить от идеологии, поэтому, смотря на творчество И. Ефремова, даже не учитывая его политической

приверженности, можно отделить его видение прекрасного от его политической позиции, оставив прекрасное и избавившись от ужасного.

Обобщая, становление эстетики Эллады можно выразить развитием эстетических концепций:

- Пифагор вывел понятие «космоса» как упорядоченного единства;
- Платон определил общее понимание «прекрасного», выраженное в идее о прекрасном, как о самостоятельной силе;
- Аристотель выявил идею «эйдоса», в основе которой лежит теория «мимесис» (подражание), посредством которого он определил природу искусства, эстетические категории, жанры, виды.

Привлекательность античных понятий о прекрасном в немалой степени заключается в том, насколько тесна их связь с эстетической практикой. Потребность осмысления художественной практики своего времени – вот где их истоки, вот к чему они всегда обращены, проникнутые идеями гражданственности, правдивости и народности. Так, ещё у Гомера встречаются эстетические термины «гармонии», «красоты», «прекрасного» и др. Прекрасным было для него нечто объективное, т.е. что-то, что находится в окружающей его действительности, нечто материальное и абсолютное, что-то, что человек в состоянии ощутить при помощи своих чувств. Так, когда богиня Афина Паллада изменила внешность героя Одиссея, Гомер писал об этом так, что она на него «пролила красоту», а когда он занимался кораблём, то скреплял доски «гармониями» [2, с. 142].

Прекрасное, как в Античной Элладе, так и в творчестве И. Ефремова, характеризуется совершенством формы, целесообразностью, под которой подразумевается соответствие вещи определённой высшей цели, предназначению, которое, в свою очередь, обладало идеальной формой, соответственно, причастность идее подразумевается целесообразностью. Прекрасное, к примеру, у Пифагора, характеризовалось совершенством формы, целесообразностью, под которой подразумевалось соответствие вещи определённой высшей цели, предназначению, которое, в свою очередь, обладало идеальной формой, соответственно, причастность идее подразумевается целесообразностью.

Эта идея совершенства формы и целесообразности была принята и раскрыта И. Ефремовым в следующих строках: «Красивы ровные, плотно посаженные зубы, изогнутые правильной дугой, – такая зубная дуга отличается наибольшей механической прочностью при разгрызании твердой растительной пищи или сырого мяса» [3, с. 79].

Говоря о происхождении искусства, выражения прекрасного через рисунок или мелодию, Демокрит связывал его с общественным запросом и существующими обстоятельствами. Искусство возникло, согласно ему, путём подражания человека окружающей природе. Немало посвящено и вопросу меры, где он писал, что ни избыток, ни недостаток не должны быть по душе, поскольку при нарушении меры и самое приятное может стать неприятным.

И. Ефремов же писал об этом так: «В процессе эволюции человек подвергался суровым испытаниям и вышел из них победителем. Но вторая, обратная, сторона этой победы в том, что его организм рассчитан на испытания и большие нагрузки. Он нуждается в них, и если мы не будем заставлять его

работать, даже когда это не требуется городской жизнью, а также не будем устанавливать ему периодами ограничение в пище, неизбежны неполадки и прямые заболевания» [3, с. 82].

Идеи о прекрасном меняются, стоит нам обратиться к работам Сократа, живущего в V–IV веках до н. э. Его в гораздо меньшей степени интересовали вопросы бытия, сама натурфилософия им воспринималась не только мало-полезной, но и нечестивой, поскольку эмпирический подход к природе опирается на органы чувства, а они лишены большой познавательной ценности. Выступал он и против принципа причинности, выдвинув идею телеологического мировосприятия, где абсолютно всё существует для пользы человека, где нос обоняет, уши – слушают, глаза – видят творения богов.

Герой И. Ефремова, профессор Гири́н, на лекции о прекрасном говорил так: «Красивы длинные ресницы – они лучше защищают глаз. Нам кажутся они изящнее, если изогнуты кверху, – ощущение верно, потому что отогнутые вверх кончики не дают ресницам слипаться или смерзаться» [3, с. 75].

Беседа о сущности прекрасного, представленная в произведении Платона «Пир», говорит о том, что, прежде всего, людям приятны физические аспекты тела, после этого они переходят к рассуждению о теле в целом, затем о красоте души, после – к красоте наук, благодаря которым возможно возвышение до мира совершенной красоты. Вновь выражается мысль о том, что истинно прекрасное способно существовать исключительно в мире идей, а не чувственности. Соответственно, считал он, перед человеком, осмысляющим эстетическое, не предстанет в виде какого-то облика, либо рук, либо какой-либо части тела, ни в виде какой-либо речи, либо какой-либо науки, ни в виде существующего в чем-либо другом в каком-нибудь живом существе или на земле, или на небе, или в каком-либо другом предмете.

Говоря же об эстетическом идеале как таковом, эллины, сформулировав и объяснив понятие гармонии, пришли к следующему выводу: связующее начало, которое объединяет все существующие элементы бытия в некое целое, нечто слаженное, соразмерность частей целого, которую невозможно изменить, не испортив. Гармонию они объяснили божественным, совершенным порядком, противостоящим изначальной неорганизованности, хаосу. Порядком, созданным богами, однако доступном человеческому пониманию. Именно это и является основой западного, вплоть до современности, основанного на разуме, понимания гармонии [2, с. 178].

Стоит отметить, что в обществе, в котором жил сам Иван Ефремов, несмотря на отторжение многих черт классической культуры, как в литературе, так и в эстетике и многом прочем, именно идеи античной Эллады были среди наиболее почитаемых, воспроизводимых и развиваемых. Архитектура и скульптура, языковые нововведения, научные и художественные переосмысления и воспроизведения – античная школа пронизывала всё общество от школьного до высшего университетского образования.

Абсолютно всё в мире способно обнаружить в себе гармонию, считали греки – от механизма космоса до устройства человеческого организма. Небо в гармонии с землёй, вода – с огнём, зло уравновешено добром, рабство – свободой и так далее. Гармоничной семьёй они считали ту, в которой мужчина был

воплощением жизни общественной, женщина же – частной. Именно в античной Элладе были сформированы канонические основы красоты. Идеал был запечатлён бесчисленными творцами тех времён – им выступал прекрасный и гармоничный в своей соразмерности и уравновешенности человек.

Поликлет, изучив человеческое тело, вычислил соотношения, делающие фигуру совершенной. Так голова должна составлять одну восьмую общего роста, ноги – не превышать в длину половины роста и так далее [2, с. 196].

У И. Ефремова же профессор Гирич в заключение своей лекции сказал, что: «...красота – это правильная линия в единстве и борьбе противоположностей, та самая середина между двумя сторонами всякого явления, всякой вещи, которую видели ещё древние греки и назвали аристон – наилучшим, считая синонимом этого слова меру, точнее – чувство меры. Я представляю себе эту меру чем-то крайне тонким – лезвием бритвы... » [3, с. 85].

Всё чрезмерное – слишком громкое или тихое, громадное или маленькое – вносило дисгармонию и вело к беспорядку, хаосу. Человек, уродливый физически, равно как и одаренный, выбивался из общей массы и нарушал гармонию. Разумеется, эллины гордились своими гениями и героями, но и очень жестоко расправлялись с ними. Так великий законодатель Перикл в конце жизни был отдан под следствие, гениальный скульптор Фидий скончался в изгнании, как и полководец Фемистокл, выигравший судьбоносную для Афин морскую битву у Саламина, глубочайший философ Сократ приговорен к смерти по ложному обвинению. Такова обратная сторона культа гармонии, связанная с древнейшим представлением о том, что вид выживает не благодаря выдающимся, а усреднённым людям.

Таким образом, Древняя Греция стала первым этапом рефлексии эстетического сознания, первыми шагами к возникновению эстетики, которая сложилась на основе философских размышлений. В сущностно-метафизическом смысле эстетика является особой формой бытия-сознания; некое специфическое духовное поле, в котором человек обретает одну из высших форм бытия, ощущение и переживание полной и всецелой причастности к бытию.

Более того, сам факт того, что идеи античных эллинов всё ещё живы, воспроизводимы и превозносимы многочисленными авторами современности, позволяет предположить тот факт, что все мы продолжаем жить, пусть и не в полной мере, в эллинистическом мире, поскольку понимание красивого и ужасного, доброго и злого всё ещё имеет основы именно в работах Аристотеля и Гомера, Гесиода и Пифагора.

Исходя из вышеописанного, мы видим, что И. Ефремов был хорошо осведомлён в идеях и идеалах античных философов. Более того, сам он говорил, что «Культура эллинов эмоциональна, их отношение к любви поэтично, и недаром Эллада играла такую роль в последующем развитии общечеловеческой культуры. Эллада пленяет свежестью и полнотой чувств, и отношение к ней не может измениться», что делает все сомнения в его вдохновении классиками нелепыми [1, с. 54].

«Пленённый» Элладой, красотой как целесообразностью, как гармонией, как развитием человеческого тела и духа, оптимизмом и верой в триумф человеческого духа, свойственный как обществу эллинистического мира, так

и современного автору общества социалистического, неудивительно, что все эти идеи писатель, где-то переосмыслив, где-то же полностью воспроизведя, отобразил в своих произведениях.

Безусловно, нельзя не упомянуть о том, что наиболее явно проявляется прямая преемственность культуры эллинов в творчестве И. Ефремова в его романе «Таис Афинская», где творец буквально рисует эллинистическую эпоху так, как воспринимает её он сам сквозь призму собственного идеализма, однако же, идея красоты наиболее глубоко развита именно в произведении «Лезвие Бритвы», потому в этой работе в основном цитируема она. Без «Таис Афинской» можно было бы предположить, что идеи прекрасного, как математического совершенства, соответствия форм и гармонии тела и духа, он взял не напрямую из Античности, но из переосмысленных работ эпох Возрождения и Просвещения, что не совсем верно, поскольку, как уже было упомянуто выше, Иван Ефремов изучал многие стороны человеческой истории и потому имел возможность более широкого выбора идеалов. И в первую очередь истоки его идеалов лежат в Элладе.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в более детальном изучении концепций красоты в творчестве И. Ефремова, рассматривая как его работы, так и его личные переписки, монографии и мемуары, поскольку более широкое поле изучения позволит нам более глубоко и, насколько это возможно, объективно оценить его идеи.

Список литературы

1. **Акопов Л.** Поэзия в произведениях И.А. Ефремова / Л. Акопов // Иван Ефремов – ученый, мыслитель, писатель. Взгляд в 3-е тысячелетие. Предвиденья и прогнозы. – М. : Искусство, 1998. – 456 с.
2. **Дарио А.П.** Западная философия от истоков до наших дней. Античность. Средневековье / А.П. Дарио. – М. : Пневма, 2012. – 588 с.
3. **Ефремов И.А.** Собрание сочинений. Т. 2 [Текст] / И.А. Ефремов. – СПб. : Зебра Е, 2008. – 1214 с.

Khatniuk A.V.

Aesthetics of Ancient Greece as One of the Foundations of Ivan Efremov's Concept of Beauty

The article is devoted to the study of one of the main sources of influence on the work of I. Efremov, his worldview – works of ancient classics Greece, their views on beauty, ways of its expression and cognition and how they were reflected in the works of I. Efremov himself.

Key words: *beauty, harmony, expediency, Antiquity.*

Якименко Людмила Николаевна,
канд. филол. наук,
доцент кафедры начального образования
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
yakimenkol@list.ru

Персонаж и характер в пьесе Антона Чехова «Вишневый сад»

В предлагаемой статье рассмотрены вопросы, связанные с литературоведческим анализом дефиниций «персонаж» и «характер», а также с их авторским воплощением в пьесе А. Чехова «Вишневый сад». Сделан вывод о том, что в данном драматическом произведении отсутствует «героическая» централизация персонажей, не реализована финальная для сюжета и характеров функция последнего акта. Что касается характеросложения и раскрытия характеров персонажей, то в пьесе «Вишневый сад» используется автохарактеристика, взаимная оценка персонажей окружающими людьми, характеристика бытовыми эпизодами, поступками, взаимоотношениями. Четко прослеживаются особенности речи каждого героя. Особое внимание драматургом уделено сценической интерпретации жестов персонажей и их внешнему облику.

Ключевые слова: персонаж, характер, художественный образ, литературоведение, пьеса.

Термин «персонаж», широко используемый в литературоведении, взят из французского языка («persona») и имеет латинское происхождение. Словом «persona» древние римляне обозначали маску, которую надевал актер, а позднее – изображенное в художественном произведении лицо. В качестве синонимичных данной дефиниции ныне используются словосочетания «литературный герой» и «действующее лицо». Однако эти выражения несут в себе и дополнительные значения: слово «герой» подчеркивает позитивную роль, яркость, необычность, исключительность изображаемого человека, а словосочетание «действующее лицо» – тот факт, что персонаж проявляет себя преимущественно в совершении поступков [9].

Персонаж – это либо плод чистого вымысла писателя, либо результат домысливания облика реально существовавшего человека (будь-то исторические личности или люди, биографически близкие писателю, а то и он сам); либо итог обработки и «трансформации» уже известных литературных героев. Наряду с литературными героями как человеческими индивидуальностями порой весьма значимыми оказываются групповые, коллективные персонажи. Персонаж имеет двоякую природу. Во-первых, он является субъектом изображаемого действия, стимулом развертывания событий, составляющих сюжет. Во-вторых, персонаж имеет в составе произведения значимость самостоятельную, независимую от сюжета: он выступает как носитель стабильных и устойчивых свойств, черт, качеств [9]. Довольно часто персонажи характе-

ризируются с помощью совершаемых ими поступков, а также форм поведения и общения, черт наружности и близкого окружения, принадлежащих герою вещей, мыслей, чувств, намерений.

Ценностные ориентации или жизненные позиции персонажей весьма разнородны и многоплановы: религиозно-нравственные, собственно моральные, познавательные, эстетические и другие. Они связаны со сферой инстинктов, с телесной жизнью и удовлетворением физических потребностей, со стремлением к славе, авторитету, власти. Позиции и ориентации как реальных, так и вымышленных писателями лиц нередко имеют облик идей и жизненных программ, но ценностные ориентации часто бывают и внерациональными, непосредственными, интуитивными, обусловленными самой натурой людей и традицией, в которой они укоренены [9]. Таким образом, персонаж предстает, с одной стороны, как характер, с другой – как художественный образ, воплощающий данный характер с той или иной степенью эстетического совершенства.

Персонажей в произведении легче посчитать, чем определить их характеры. Они могут быть собирательными, групповыми, фантомными, внесценическими и др. Сложный характер проявляет себя в непрестанном поиске, внутренней эволюции. В нем находит выражение многообразие душевной жизни личности. Он открывает как самые светлые, высокие стремления души человеческой, так и самые темные, низменные ее порывы. В сложном характере закладываются, с одной стороны, предпосылки для деградации человека; с другой – возможность его будущего преображения и спасения. Сложный характер очень трудно обозначить в диаде «положительный» и «отрицательный». Как правило, он стоит между этими терминами или, точнее, над ними. В нем сгущается парадоксальность, противоречивость жизни; концентрируется все самое загадочное и странное, что составляет тайну человека [3].

Персонаж легко превращается в героя в том случае, если получает индивидуальное, личностное измерение, иными словами – характер. В современном литературоведении характер – это неповторимая индивидуальность персонажа; его внутренний облик; то есть все то, что делает человека личностью, что отличает его от других людей. Иначе говоря, характер – это тот самый актер, который играет за маской – персонажем. В основе характера находится внутреннее «я» человека, его самость. Через характер проявляется образ души со всеми ее поисками и ошибками, надеждами и разочарованиями. Он обозначает многогранность человеческой индивидуальности, раскрывает ее нравственный и духовный потенциал [3].

Система персонажей представляет собой строгую иерархическую структуру. Герои, как правило, различаются на основе их художественной значимости, их разделяет степень авторского внимания, онтологическое предназначение и функции, которые они исполняют. Традиционно выделяют главных, второстепенных и эпизодических героев [3].

Главные герои всегда «на виду», всегда в центре произведения. Они обладают твердым характером и сильной волей. И потому активно осваивают и преображают художественную реальность: определяют события, совершают поступки, ведут диалоги. Главным героям свойственна хорошо запоми-

нающаяся внешность, четкая ценностная ориентация. Иногда они выражают основную, обобщающую идею творения; становятся «рупором» автора. При этом количество персонажей, находящихся в центре литературного повествования, может быть разным [3].

Второстепенные герои находятся рядом с главными героями, но несколько позади их, на заднем плане художественного изображения. Героями второго ряда, как правило, являются родители, родственники, друзья, знакомые, сослуживцы героев первого ряда. Характеры и портреты второстепенных персонажей редко детализируются, проявляются пунктирно. Эти герои помогают главным «раскрываться», обеспечивают развитие действия [3].

Используя теоретическое литературоведческое понимание «персонажа», «характера», «героя» в художественном произведении, попробуем проанализировать систему образов в пьесе А. Чехова «Вишневый сад».

Театр и драма на рубеже веков – XIX–XX вв. – претерпели кардинальную перестройку. А. Чехов также отказался продолжать традицию классической драмы, для которой характерной особенностью было выстраивание действия вокруг одного или нескольких ключевых событий. С исчезновением сквозного действия в его пьесах устраняется и классическая одногеройность и уничтожается привычное деление на положительных и отрицательных героев. Драматург создает психологическую драму, а событийную динамику заменяет динамикой чувств и мыслей, которые являются движущей силой сюжета. Обостренное ощущение надвигающихся перемен, необходимость «переосуществления» несовершенного мира четко проявилось в его творчестве. Но при этом А. Чехов обращается к трагедии повседневной жизни, к ее разнообразию, разносторонности, многоликости.

В свое время А. Чехов жаловался: «Требуют, чтобы были герои, героини сценически эффектно. Но ведь в жизни не каждую минуту стреляются, вешаются, объясняются в любви <...>. Надо сделать такую пьесу, где бы люди приходили, уходили, обедали, разговаривали о погоде, играли в винт <...>. Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни» [1, с. 11]. Не случайно центральным в пьесах А. Чехова является конфликт героев с существующей действительностью, сознание необходимости и близости общественных перемен. Ярko и радостно проявилось предчувствие чего-то нового и в последнем произведении А. Чехова – в «Вишневом саду». В нем драматург показал, как на смену России крепостнической, воплощенной в Гаеве, Раневской, Симоне-Пищике, придет Россия капиталистическая, представленная Лопухиным, студентом Петей Трофимовым и идущей вслед за ним Аней: «Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там вдали! Вперед! Не отставай, друзья!», «Здравствуй, новая жизнь!» [10, с. 536] – такой лейтмотив пьесы, таково творческое завещание великого художника.

К интерпретации и осмыслению характеров пьесы обращались несколько поколений режиссеров, актеров, зрителей и читателей. Что касается глубины создания индивидуальных образов героев этого драматического произведения, то они представляют собой несколько социальных групп, которые находятся между собой в разных семейных, родственных и имущественных отношениях, но они разобщены, не слышат и не понимают друг друга.

Каждый из персонажей «Вишневого сада» помещается автором в свой виртуальный пространственно-временной мир. В свою очередь каждый из этих параллельно существующих миров выстраивается им по своей логике. Результат, однако, остается прежним: диалога нет не только между миром внешним и миром внутренним, но и между мирами индивидуально-человеческими. Следовательно, мир, выстроенный человеком, в драматургии А. Чехова в целом принципиально не коммуникативен: каждый из персонажей либо носит свою маску, либо существует в своем континууме, именно поэтому люди обречены на непонимание друг друга [5, с. 124]. Но вместе с тем, конфликт пьесы заключается не в этом «недопонимании-недослышании», а в противопоставлении трех времен – прошлого, настоящего и будущего России.

Таким образом, главной категорией, формирующей систему персонажей чеховской пьесы, становится теперь не роль (социальная или литературная), которую каждый из них играет, а время, в котором каждый из них себя ощущает. Более того, именно хронотоп, выбранный каждым персонажем, эксплицирует его характер, его ощущение мира и себя в нем, при этом подавляющее большинство персонажей пьесы не живет в настоящем времени, предпочитая вспоминать о прошлом или мечтать о будущем [5, с. 70].

Чеховские герои конфликтуют не друг с другом, а с неутомимым ходом времени. И в этом тоже своеобразии драматического произведения – нет конкретных виновников бед и несчастий ее персонажей. Время несет перемены: для кого-то они положительные, а для людей, не способных к самоизменению, – губительны. Неумолимое движение жизни, инертность и бездействие семьи Раневской приводят к разрушению и увяданию чудесного дворянского гнезда. Герои пытаются то ускорить, то замедлить ход времени, но это невозможно – они пребывают в экзистенциальных, характерологических границах, пересечь которые им не дано. Своеобразие чеховского конфликта наиболее глубоко и точно определил А. Скафтымов: «Драматически-конфликтные положения у Чехова состоят не в противопоставлении волевой направленности разных сторон, а в объективно вызванных противоречиях, перед которыми индивидуальная воля бессильна <...>. Виноваты не отдельные люди, а все имеющиеся сложения жизни в целом» [8, с. 14].

Изображая своих героев предельно противоречивыми, драматург не считал их без «вины виноватыми» и далеко не со всех снимал ответственность за идущую «враздробь» жизнь. У него нет «злодеев» и «ангелов», а есть «хорошие плохие» герои, симпатичные – но наполовину. Такие, столь непривычные для прежней драматургии, принципы типологии и приводят к появлению в пьесе характеров, сочетающих в себе противоречивые, более того – взаимоисключающие черты и свойства. Практически все персонажи не укладываются в привычные социальные амплуа, они даже выпадают из своих социальных ролей. И это при том, что «социальные маркеры каждой роли сохранены в списке действующих лиц пьесы Чехова, но они имеют формальный характер, не предопределяя ни характера персонажа, ни логики его поведения на сцене» [5, с. 68–69].

Такого многомерного изображения характеров требовала художественная объективность, это краеугольное положение чеховской эстетики, но в поведении своих героев писатель разграничивает мотивы «вольные» и «не-

вольные». Сочетая противоречивое, он их не смешивал, как и не смешивал практических результатов сознательного намерения с поступками, действиями, совершенными под неотвратимым влиянием обстоятельств. А. Чехов осуществил объективное изображение характеров в пределах достаточно определенной нравственной оценки [1, с. 7–8].

Персонажи чеховских произведений не находят воплощение идеала ни в каком существующем укладе – ни в традиционном патриархально-сельском, ни в буржуазно-городском, ни в деревне, ни в провинции, ни в столице. Идеал, нравственная норма, «настоящая прекрасная жизнь» могут воплотиться только в далеком будущем, причем дело не столько в материальном, экономическом прогрессе, сколько в прогрессе нравственном, поскольку истинные смыслы коренятся в личном бытии человека.

Внешне в пьесе сталкиваются не социальные типы, а социальные исключения. И хотя индивидуальность, своеобразие, неповторимые и отличительные черты чеховских героев – капризы, психологические тонкости – очень важны, но эти персонажи-исключения в конце концов разыгрывают предназначенные им историей социальные роли: сквозь причуды и случайности, сквозь паутину слов и сиюминутных эмоций проступает закон социальной необходимости. Это можно проследить на примере большинства образов пьесы. В первую очередь это касается Гаевых. Безусловно, Раневская и ее брат добры, обаятельны и лично не виноваты в тех грехах крепостничества, которые приписывает им Трофимов, но вместе с тем служащих им людей кормят горохом, преданный им слуга Фирс умирает всеми забытый, а лакей Яша – омерзительное порождение крепостнического быта [8, с. 13].

Каждый из персонажей воспринимается неоднозначно, в единстве целого набора как положительных, так и отрицательных качеств. В связи с этим очень показательным представляется образ «вечного студента» и «облезлого барина» Пети Трофимова, который все-таки далек от привычных канонов изображения «нового человека». Его образ «продолжает логику несоответствия социальных маркеров и сценической реализации персонажей. В контексте характеристики, данной Трофимову другими персонажами, Любовью Андреевной, Варей, Лопахиным, его авторское наименование в афише – «студент» – звучит как оксюморон [8, с. 69].

Важной особенностью большей части произведений А. Чехова, в том числе и пьесы «Вишневый сад», с гендерной точки зрения, является то, что численность персонажей-женщин меньшая, нежели мужчин, но при этом роль женщин в событиях более значительна по сравнению с ролью мужчин. Также символично число три – автор практически во всех пьесах вводит (или планировал ввести, как, например, в «Чайке») в действие три главных героини и еще одну-две, менее важные для хода событий, женские фигуры (в «Вишневом саду» это Шарлотта и Дуняша). Объяснить это можно и особой ролью женщины в сплоченности/разрушении семьи, хранительницы домашнего очага, ведь недаром теплые детские воспоминания большинства героев «Вишневого сада» связаны в первую очередь с матерями: Раневской видится образ своей матери в утреннем саду; Аня и Варя платят любовью, пониманием и поддержкой Любви Андреевне. Скорее всего, такие семейные взаимоотношения – это

устоявшаяся традиция в доме Гаевых. При этом обращает на себя внимание то, что «подлинно родственный контакт разных поколений воплощается все-таки не по прямой линии, а по косвенной: не матери с дочерью, а племянниц с дядей» [10, с. 25], хотя Аня и Варя общаются с Гаевым все-таки не на равных, проявляя некоторое снисхождение к его слабостям.

Детская модель поведения персонажей реализуется в их абсолютной непрактичности, в полном отсутствии прагматизма и даже – в резкой и постоянной перемене их настроения. Конечно, можно увидеть в речах и поступках Раневской проявление «обыкновенного человека», который «подчиняясь своим не всегда красивым желаниям, капризам, каждый раз обманывает себя». Можно увидеть в ее образе и «очевидную профанацию ролевого способа жизнедеятельности». Однако представляется, что именно бескорытность, легкость, сиюминутность отношения к бытию, очень напоминающая детскую, мгновенная смена настроения сводят все внезапные и нелепые, с точки зрения остальных персонажей и многих исследователей комедии, поступки и Гаева, и Раневской в определенную систему. Перед нами – дети, которые так и не стали взрослыми, не приняли закрепленную во взрослом мире модель поведения. В этом смысле, например, все серьезные попытки Гаева спасти имение выглядят именно как игра во взрослого [8, с. 70].

Таким образом, каждый из персонажей «Вишневого сада» – носитель индивидуальной характеристики, сформированной его индивидуальной судьбой. Большая часть героев А. Чехова – статичны, поэтому меняется не сам характер, а его эмоциональное наполнение. Это постоянство, неизменность персонажей закреплены в некоторых прозвищах: «вечный студент» (Трофимов) и общее Фирсово: «недотепа», «двадцать два несчастья» (Епиходов). Психолого-натуралистические особенности пьесы представлены не только в ее оригинальной композиционно-стилистической системе, которая сводится к психологической нюансировке материала характеров-эмоций, речей-интонаций, жестов-поступков, но и в натуралистической нюансировке сценического бытового фона, бытовых характеров и бытового проявления эмоциональных импульсов этих характеров.

В пьесе А. Чехова «Вишневый сад» отсутствует «героическая» централизация персонажей, так как героя, в традиционном литературоведческом понимании, в ней нет, но есть персонажи с индивидуальными характерами, которые представляют разные социальные, психологические, идеологические типы. В пьесе также не реализована финальная для сюжета и характеров функция последнего акта. Что касается характеросложения и раскрытия характеров персонажей, то в пьесе «Вишневый сад» присутствует автохарактеристика, взаимная оценка персонажей окружающими людьми, характеристика бытовыми эпизодами, поступками, взаимоотношениями. Четко прослеживаются особенности речи каждого героя. Особое внимание драматургом уделено сценической интерпретации жестов персонажей и их внешнему облику.

Таким образом, перспективы дальнейших исследований мы видим в изучении персонажей и характеров других произведений А. Чехова, раскрытии их индивидуальных черт, а также социальных, психологических и идеологических особенностей.

Список литературы

1. **Богданов В.** Предчувствие будущего / В. Богданов. – М. : Детская литература, 1978. – 61 с.
2. **Воронов А.М.** А.П. Чехов в русском театре 1980-х–1990-х годов : автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.01 / А.М. Воронов. – СПб., 1999. – 20 с.
3. **Значение терминов «герой», «персонаж»** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.0zd.ru/literatura/literaturnyj_geroj.html, свободный. (Дата обращения : 16.09.2021 г.).
4. **Иванов Н.** Сад сквозь ад : Сто лет после Чехова / Н. Иванов // Знамя. – 2004. – № 12. – С. 132–137.
5. **Ивлева Т.Г.** Автор в драматургии А.П. Чехова / Т.Г. Ивлева. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 131 с.
6. **Катаев В.Б.** Сложность простоты: рассказы и пьесы Чехова. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / В.Б. Катаев. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – 112 с.
7. **Полоцкая Э.А.** Пьеса Чехова (Путь к «Вишневому саду») / Э.А. Полоцкая. – М. : Наука, 1990. – С. 18–45.
8. **Сухих И.Н.** Двадцать книг XX века / И.Н. Сухих. – СПб. : Паритет, 2004. – 544 с.
9. **Хализев В.Е.** Теория литературы / В.Е. Хализев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litrus.net/book/read/82374?p=1>, свободный. (Дата обращения : 16.09.2021 г.).
10. **Чехов А.** Вишневый сад: повести и рассказы, пьесы / А. Чехов. – Воронеж : Фолио, 2011. – 558 с.

Yakimenko L.N.

Personage and Character in Anton Chekhov's Play «The Cherry Orchard»

This article analyzes the personage and characters in Anton Chekhov's play «The Cherry Orchard». The author came to the conclusion that the play contains self-characterization, mutual evaluation of the characters by the surrounding people, characterization by everyday episodes, actions, and relationships. The features of each character's speech are clearly traced. The playwright paid special attention to the stage interpretation of the characters' gestures and their appearance.

Key words: personage, character, artistic image, literary criticism, play.

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК [378.091.33-028.22:378.018.43]:811

Бородина Анжелика Николаевна,
преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
borodina2205@bk.ru

Харченко Лариса Ивановна,
канд. пед. наук, доцент,
и. о. заведующего кафедрой
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
larissa7474@yandex.ru

Метакомпетентность учителей иностранннх языков в системе дистанционного обучения

В статье рассмотрены и проанализированы взгляды ведущих зарубежных и российских ученых на проблему метакомпетентности учителей иностранннх языков в системе дистанционного обучения. Уточнены авторские определения понятий «метакомпетенция» и «метакомпетентность». Автор предлагает перечень метакомпетенций учителей иностранннх языков в дистанционном формате и даёт их характеристику.

Ключевые слова: метакомпетентность, учитель, иностранннх язык, компетенции, дистанционное обучение.

Процесс обучения в условиях перехода к открытой парадигме образования характеризуется стремительной изменчивостью и динамизмом, что предполагает наличие у преподавателей сформированных способностей успешно адаптироваться и функционировать в быстро меняющихся условиях жизни. Информатизация общества способствует внедрению дистанционных форм передачи информации в образовательной системе [4, с. 213]. Ситуация распространения коронавирусной инфекции во всём мире продемонстрировала невозможность развития образовательной системы без интеграции в учебный процесс дистанционных образовательных технологий. Трансформация процесса обучения из очного формата в дистанционный формат меняет цели, содержание, организацию, результаты образования и влечёт за собой изменение требований к квалификации преподавательского состава [6].

В дистанционном формате целью обучения иностранннх языкам является приобретение практических навыков в предметной области «Иностранннх язык», содержание учебной программы базируется на самостоятельном обучении, используются продуктивные технологии, средства, методы обучения

и контроля, которые отражают последние достижения мировой педагогической науки. Компетентностный подход в системе дистанционного обучения является одним из базовых, внедрение которого определяет качество образования и показывает расширение типов и видов компетентностей учителей иностранных языков.

Данный подход объединяет интеллектуально-познавательную и практическую составляющие образовательного процесса. В рамках данного подхода образовательный процесс нацелен на результат, при котором преподаватели стремятся повысить уровень и качество профессиональных знаний, а также самостоятельно определять направление профессиональной деятельности. Профессиональные компетенции педагога в дистанционной системе обучения следует понимать как способность педагога создавать информационно-учебную среду, гарантировать индивидуальный подход к каждому ученику, овладевать механизмами организации и управления интерактивного взаимодействия с обучающимися в цифровой – образовательной среде.

Профессиональная деятельность учителей иностранных языков в системе дистанционного обучения – это деятельность, которая направлена на совершенствование знаний, умений и навыков для решения профессиональных задач в условиях обучения на расстоянии. Для формулировки компетенций и требований к деятельности учителей в дистанционном формате в 1999 году А.В. Хуторской впервые вводит термины «дистанционный педагог» и «дистанционный учитель» [9, с. 31, 87, 255].

Профессиональная компетентность дистанционных учителей иностранных языков связана с такими понятиями с приставкой «мета», как «метакомпетенция» и «метакомпетентность». Греческая приставка «мета» – означает «стоящее за, над», «после», «следующее», «сверх-», «через», «между», а также переход к чему-либо другому, перемену состояния, превращение какого-нибудь объекта или системы, как правило, высшего по отношению к предыдущему описанию. Приставка «мета» обозначает принципиально новые, стоящие выше компетенции и компетентности учителей, дающие возможность более продуктивно прогнозировать, реализовывать новации и инновации, использовать вариативные стратегии и подходы в образовательном процессе.

Статья посвящена изучению проблемы метакомпетентности учителей иностранных языков в системе дистанционного обучения, которая слабо разработана в педагогической науке и образовательной практике, несмотря на высокий уровень её значимости. На основании проведенного методологического анализа исследований метакомпетентности в зарубежной и отечественной педагогике выявлен дефицит научных знаний относительно сущности и структуры метакомпетентности педагогов, формируемых в системе дистанционного обучения.

На сегодняшний день в научной литературе нет единого мнения об определении понятий «метакомпетенция» и «метакомпетентность». Представляется целесообразным исследовать и разграничить данные научные категории.

Термины «метакомпетенция» и «метакомпетентность» относят к понятиям метапредметного подхода как базового методологического принципа новых государственных образовательных стандартов, которые ориентируют

педагогов на формирование у учащихся метапредметных результатов и универсальных способов деятельности или универсальных учебных действий, в том числе в коммуникативной сфере [7, с. 203]. Следует отметить, что в соответствии с новыми образовательными стандартами учителя в процессе преподавательской деятельности реализуют метапредметный подход, который обеспечивает универсальность учебных дисциплин и целостность восприятия мира. Метапредметный подход предлагает реорганизовать предметное содержание образования, в котором знания – не сведения для запоминания, а знания для осмысленного использования в своей практической деятельности.

Научная школа А.В. Хуторского характеризует метапредметность как «выход за предметы, но не уход от них. Метапредмет – это то, что за предметом или несколькими предметами, находится на основе и одновременно в корневой связи с ними. Метапредметность не существует вне предметности» [8]. Согласно позиции А.В. Хуторского, метапредметность – это неотъемлемая часть любой образовательной среды. Специфика предмета «Иностранный язык» заключается в его интегративном характере. Информация, передаваемая на иностранном языке, может быть связана с другой предметной областью (гуманитарной, естественно-научной, технологической). В условиях дистанционного обучения иностранному языку метапредметный подход тесно связан с компетентностным подходом и направлен на развитие у преподавателей надпрофессиональных метакомпетенций.

Сущность понятия «метакомпетенция» рассматривается в исследованиях Д. Димитровой, Т. Кауца, В.Р. Малаховой, С.А. Михайличенко, Л.М. Орбодоевой, Л.К. Раицкой, Е.В. Резчиковой, А.К. Самойличенко, Е.В. Тихоновой, Дж. Хекмана, М.А. Холодной и др.

Согласно В.Р. Малаховой, С.А. Михайличенко, Е.В. Резчиковой, А.К. Самойличенко, М.А. Холодной, под метакомпетенциями понимаются надсистемные, надпредметные надстройки (компетенции), которые необходимы для развития и формирования новых профессиональных компетенций. В соответствии с этим метакомпетенция является интегративным понятием, которое включает в себя личностные качества педагога позволяющее выполнять одновременно несколько видов деятельности.

Л.М. Орбодоева считает, что метакомпетенция выступает надсистемной компетенцией и включает в себя саморегуляцию мыслительных процессов, способность к адаптации, самоорганизацию, самоконтроль и саморефлексию [2].

Л.К. Раицкая и Е.В. Тихонова определяют понятие метакомпетенция как совокупность непрофессиональных навыков и качеств личности, необходимых для эффективной реализации профессиональных компетенций.

По мнению зарубежных исследователей Дж. Хекмана и Т. Кауца, «метакомпетенции» относятся к классу так называемых «мягких» или «гибких» навыков (от англ. *soft skills*), которые позволяют специалисту повысить эффективность профессиональной деятельности посредством способностей к межличностному взаимодействию, умения работать в команде, принимать нестандартные решения в конкретной ситуации и другие.

Д. Димитрова утверждает, что метакомпетенция – это способность к быстрой адаптации, приспособления к новым условиям, готовность к непре-

рывному обучению/образованию, готовность к переносу имеющихся знаний, умений, способностей на новые объекты деятельности [11].

Метакомпетенции учителей иностранных языков предполагают наличие знаний и умений в области профессионально-педагогических тенденций и инноваций. Метакомпетенции существуют вне основной профессионально-предметной или профессионально-иноязычной компетенции преподавателя. Однако метакомпетенции оказывают существенное влияние на реализацию профессиональных компетенций учителя иностранного языка.

Высокий уровень развития метакомпетенций формирует метакомпетентность. Значительные трудности при определении сущностной характеристики метакомпетентности педагога создаёт тот факт, что в зарубежных и отечественных работах нет чёткого и однозначного определения данной научной категории.

Рассмотрим конкретизацию сущности понятия метакомпетентности в трудах разных исследователей. Вопросам исследования данной научной категории посвящены работы Р. Брауна, Д. Винтертона, Ф. Деламера, Л.П. Еньковой, К. Кина, В.Р. Малахова, С.А. Михайличенко, М.В. Осипова, В.П. Пустовойтова, Е.В. Резчикова, А.К. Самойличенко, Е.В. Сизовой и др. Такие исследователи, как Д. Винтертон, Ф. Деламер, К. Кин приравнивают метакомпетентность к умению учиться и рассматривают как знаниево-деятельностную основу других компетентностей [12].

Л.П. Енькова под метакомпетентностью понимает способности к самостоятельной организации учебного материала, а также способности к организации рабочего (учебного) пространства и времени, самоорганизации [1].

Е.В. Резчикова и М.В. Осипов рассматривают метакомпетентность как вид компетентности высшего уровня, обладающей интегративностью и динамичностью, обеспечивающей продуктивную самообразовательную деятельность в условиях её непрерывности на основе использования субъектом целесообразных стратегий мыслительной деятельности [3].

Е.В. Сизова определяет метакомпетентность как часть методологической компетентности. По её мнению, в структуру метакомпетентности преподавателя иностранного языка следует включить навыки в области риторики и лингводидактики, а также широкую лингвокультуроведческую подготовку [7].

А.К. Самойличенко, В.Р. Малахова, С.А. Михайличенко определяют метакомпетентность как способность формировать новые знания и другие новые компетенции, обеспечивающие переход субъекта познания на новую ступень.

По мнению В.П. Пустовойтова, метакомпетентность есть интеграция способностей и навыков самоорганизации, саморегуляции и саморефлексии в функциональной и социально-коммуникативной областях деятельности личности, а также метазнаний (знания и умения о приемах и средствах усвоения и «открытия» нового знания) и когнитивных способностей» [5, с. 39].

Р. Браун определил метакомпетентность как «главное умение, которое предшествует формированию компетентности и имеет отношение к возможности учиться, адаптироваться, предвидеть и создавать» [10]. Д. Флейвел – как способность субъекта анализировать, управлять, контролировать и регулировать интеллектуальную (познавательную) деятельность.

Обобщение определений «метакомпетентности» в трудах различных исследователей позволяет выявить основные характеристики данного понятия:

- способность к анализу и управлению собственной познавательной деятельностью;
- способность адаптации к новым условиям;
- способность управлять своим развитием и рефлексивными процессами;
- способ осмысления технологии и методики получения знаний;
- способность стратегически мыслить, выстраивать продуктивную образовательную траекторию.

Метакомпетентность – это всеобъемлющие компетенции, обозначающие способности высшего порядка, которые включают в себя не только умения учиться, приспосабливаться, предвидеть, творить, но и мыслить стратегически, оценивая образовательную ситуацию для выстраивания эффективной образовательной траектории.

Метакомпетентность учителей иностранных языков в системе дистанционного обучения представляет собой интегративное личностное качество, основанное на совокупности фундаментальных специальных научных знаний, практических умений и навыков, свидетельствующих о готовности и способности специалистов к повышению эффективности профессиональной деятельности и многоаспектному профессиональному и личностному самосовершенствованию в обучении иностранному языку на расстоянии.

Метакомпетентность учителей в условиях дистанционного обучения формируется длительное время и обладает качественными характеристиками, обусловленными спецификой обучения в дистанционном формате. Учитывая специфику дистанционного обучения, преподаватель-тьютор должен обладать навыками в области информационно-коммуникационных, интерактивных, модульных, проектных, здоровьесберегающих технологий. Метакомпетентность проявляется в высоком уровне развития метакомпетенций.

Специфические особенности обучения на расстоянии позволили выделить ряд ключевых метакомпетенций, составляющих структуру метакомпетентности педагога в системе дистанционного обучения, в число которых вошли:

- тьюторская метакомпетенция как способность осуществлять обучение, воспитание и психолого-педагогическое сопровождение в системе дистанционного обучения;
- ИКТ метакомпетенция как готовность самостоятельно использовать цифровые технологии (интерактивные средства обработки информации, мобильные технологии, электронные ресурсы, средства цифровой коммуникации) и создавать интерактивный учебный материал посредством использования современных цифровых технологий, способность к цифровому сотрудничеству в сети Интернет;
- интерактивная метакомпетенция как готовность осуществлять взаимодействие со всеми участниками педагогического процесса и *с цифровой обучающей средой/учебным материалом*, работать в команде, выстраивать эффективную коммуникацию в разнообразных группах;

– информационная метакомпетентность как способность самостоятельно искать, анализировать, отбирать, обрабатывать и передавать необходимую информацию при помощи устных и письменных коммуникативных информационных технологий в процессе обучения иностранному языку на расстоянии;

– программно-методическая метакомпетенция как способность «настроить» методическую систему обучения на работу в удаленном формате с соблюдением соответствующих принципов дистанционного обучения, осуществлять составление, переработку или корректировку учебных планов и программ по иностранным языкам в соответствии с принципами модульности, интерактивности, гибкости и т.д.;

– организационно-управленческая метакомпетенция как готовность соблюдать принципы и современные подходы к организации и управлению дистанционным обучением, осуществлять планирование, контроль и мотивацию педагогического процесса в цифровой образовательной среде;

– рефлексивная метакомпетенция как способность анализировать собственные способности, собственные умения и готовности для дальнейшего развития в системе дистанционного обучения;

– здоровьесберегающая метакомпетенция как готовность формировать виртуальную среду обучения, способствующую сохранению и укреплению здоровья всех участников образовательного процесса в дистанционной системе обучения.

Таким образом, на основе проведённого исследования приходим к выводу, что метакомпетентность учителей иностранных языков в системе дистанционного обучения можно рассматривать как совокупность тьюторской, здоровьесберегающей, информационной, рефлексивной, интерактивной, программно-методической, организационно-управленческой и ИКТ метакомпетенций. Цифровая образовательная среда является базой для формирования метакомпетентности учителей иностранных языков и способствует формированию нового типа профессионализма, направленного на изменение способа видения результатов своей деятельности.

Список литературы

1. **Енькова Л.П.** Временная компетентность у студентов вуза / Л.П. Енькова // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 2 (5). – С. 85–87.
2. **Орбодоева Л.М.** Метакомпетенция как компонент содержания профессиональной иноязычной подготовки студентов в языковом вузе / Л.М. Орбодоева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 14(700). – С. 144–153.
3. **Осипов М.В.** Сущность и структура метакомпетентности субъекта образовательной деятельности / М.В. Осипов // Современное педагогическое образование. – 2019. – № 10. – С. 12–14.
4. **Попова О.В.** Социализация и профессиональное образование личности : монография / О.В. Попова, Ю.И. Титаренко. – Барнаул : Изд-во Алтайской академии экономики и права. – 2001. – 355 с.
5. **Пустовойтов В.Н.** Формирование познавательной компетентности у старшекласников в процессе обучения (на примере изучения предметной

- области «Математика и информатика») : дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Пустовойтов Виктор Николаевич. – М., 2015. – 415 с.
6. **Репина Е.Г.** Компетентностный подход: фундаментальные положения и их практическая реализация в вузе / Е.Г. Репина // Педагогика высшей школы. – 2017. – №2. – С. 23–28.
 7. **Сизова Е.В.** Развитие метакомпетентности преподавателя иностранного языка в условиях внедрения образовательного стандарта Федерального университета / Е.В. Сизова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – №2–1. – С. 202–205.
 8. **Хуторской А.В.** Методика проектирования и организации метапредметной образовательной деятельности учащихся / А.В. Хуторской // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2014. – № 2. – С. 7–23.
 9. **Хуторской А.В.** Интернет в школе. Практикум по дистанционному обучению / А.В. Хуторской. – М. : ИОСО РАО, 2000. – 304 с.
 10. **Brown B.R.** Meta-Competence: A Recipe for Reframing the Competence Debate. Personnel Review / B.R. Brown. – London : ASC, 1993. – P. 25–32.
 11. **Dimitrova D.** Das Konzept der Metakompetenz: Theoretische und empirische Untersuchung am Beispiel der Automobilindustrie. Wiesbaden: Gabler, 2008. – P. 260.
 12. **Keen K.** Competence: What is it and how can it be developed? / K. Keen. In J. Lowyck, P. de Potter, & J. Elen (Eds.)/ – London : Instructional Design: Implementation Issues, 2009. – P. 111–122.

**Borodina A.N.,
Kharchenko L.I.**

Meta-competence of Foreign Language Teachers in the Distance Learning System

The article considers and analyzes the views of leading foreign and Russian scientists on the problem of foreign language teachers' meta-competence in the distance learning system. Clarified author's definitions of concepts «metacompetence» and «meta-competence». The author offers a list of metacompetences of foreign language teachers in distance learning and gives their characteristics.

Key words: *metacompetence, teacher, foreign language, competences, distances learning.*

УДК [37.016:811'243]:37.015.3

Бочацкая Анна Александровна,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
Dancinglady94@yandex.ua

Роль психологического компонента в обучении иностранному языку

В статье рассматриваются психологические аспекты в процессе овладения иностранными языками в учебных заведениях. Отображена роль психологии в образовании и ее взаимосвязь с педагогикой и лингвистикой.

Ключевые слова: иностранный язык, психология, лингвистика, подходы и принципы преподавания.

Трудно переоценить значение иностранного языка для современного общества, поскольку он напрямую влияет на все основные аспекты жизни в развитии каждой страны.

В настоящее время быть высококвалифицированным специалистом означает не только быть профессионалом в своей узкой области знаний, но и владеть иностранными языками. Методы преподавания иностранных языков не существуют изолированно, они связаны с рядом других наук – философией, физиологией, психологией, лингвистикой, педагогикой и т.д.

Цель статьи – изучить роль двух основных аспектов в процессе обучения: преподавания и воспитания, а также охарактеризовать этапы процесса повышения интеллектуальности преподавания, основываясь на роли психологического компонента. Предметом данной статьи является изучение влияния психологии в обучении иностранному языку.

Роль психологического компонента в обучении иностранным языкам рассматривается в ряде фундаментальных работ таких педагогов и психологов, как А.А. Алхазишвили, В.А. Артемов, Б.В. Беляев, Б.А. Бенедиктов, И.М. Берман, И.Л. Бим, М.А. Давыдова, И.А. Зимняя, Г.А. Китайгородская, А.А. Леонтьев, М.В. Ляховицкий и другие.

Все учителя, занимающиеся преподаванием иностранных языков, подчеркивают, что при обучении иностранным языкам важна профессиональная языковая компетенция учителя, хотя фактор учета особенностей учебного предмета и индивидуальных особенностей учащихся, особенно мотивации в изучении иностранных языков, одинаковы. Процесс обучения иностранным языкам состоит из трех равноправных составляющих:

- учитель и его/ ее профессиональные навыки;
- ученик и его/ее стремление;
- предмет, который должен усвоить учащийся.

Говоря о факторах, влияющих на успешное изучение иностранного языка, необходимо отметить тесную связь психологии преподавания иностранного языка с психолого-педагогическими дисциплинами, в частности, с педаго-

гической психологией. Все перечисленные факторы и компоненты образования являются предметом исследования педагогической психологии.

Целью воспитания является развитие личности студента, поэтому преподавание должно давать больше знаний, улучшая навыки и способности обучающихся. Для успешного процесса обучения и воспитания педагог должен правильно понимать стадию развития у студента этих двух аспектов, чтобы продвинуть его в овладении иностранным языком. Это следует учитывать при выборе подходов во время работы, при подборе упражнений, текстов, так как «ни в каком другом методе нет столько противоречивого, как в методах преподавания второго языка» [3, с.10].

Так, в качестве примера Г.Э. Ведель указывает на следующие проблемы:

- механизмы мышления на первом и втором языках, их происхождение и функционирование, а также роль перевода в этом случае;
- повышение уровня владения вторым языком: от знаний к умениям – способностям – навыкам;
- роль механической памяти и возрастных различий в изучении второго языка;
- обучение буквальному и образно-словесному чтению, а также чтению с последующим переводом;
- изучение грамматических правил и типовых предложений, последовательное рассмотрение грамматических явлений на занятиях [4, с.128].

Психологический подход к обучению иностранному языку должен быть тесно связан с культурно-ориентированным методом как ведущим и признанным приоритетным в центре внимания образования. В статье доказывается, что культурный фон имеет большое значение. Прослушанный курс языка может научить учащихся говорить только то, что правильно и приемлемо.

Образовательный процесс в вузе – сложное многомерное единство, когда происходят качественные изменения в когнитивных способностях, используется нестандартный подход к различным проблемам, поэтому для достижения большей эффективности в обучении студентов иностранному языку необходимо «искать в культурном мире то, что связывает специфически-профессиональное с культурным» [1, с. 140]. Подготовка и воспитание профессионально компетентных специалистов, способных самостоятельно принимать решения, ведут к улучшению экономической, политической и правовой среды в нашей стране. Подготовка будущих специалистов должна завершаться формированием личности и приобретением жизненного и профессионального опыта в социокультурном контексте. Основная идея такой образовательной системы состоит в том, чтобы заменить абстрактный процесс обучения практическим опытом студентов в реальной жизни.

При рассмотрении психологических особенностей изучения второго языка очень важно иметь в виду, с одной стороны, естественные психологические, а с другой стороны, не психологические, социальные потребности и цели в изучении второго языка. Абсурдно изучать психологические закономерности овладения языковой системой путем овладения иностранным языком или выявлять психологические правила практического овладения иностранным языком путем анализа теоретического овладения системой данного языка.

Учитывая разницу в подходах к изучению иностранного языка, хотелось бы подчеркнуть основной смысл процесса обучения, приобретающий особую актуальность на современном этапе развития нашего общества. Это, во-первых, образовательная ценность, которая заключается в том, что «изучающие иностранный язык видят закономерности звуковой, морфологической и синтаксической системы» [2, с. 60].

Это наблюдение осуществляется как на основе уже известных знаний об их родном языке, так и на фоне расширения контактов. Эта ценность включает в себя хорошую общекультурную ориентацию, обеспечивает в процессе обучения «диалог культур», «предоставляя больше возможностей для научно-технического прогресса, способствуя увеличению вклада каждого в развитие взаимопонимания между народами» [7, с. 98].

Педагогическая психология – это важнейшая отрасль психологии. Основой для выделения этой отрасли психологии является психологический аспект конкретной деятельности преподавания и обучения. Важную роль играет и образовательная ценность иностранного языка, а именно направленность на то, чтобы учебный материал, выбранный преподавателем, обучал сам. Однако известно, что овладеть иностранным языком – значит научиться думать на этом языке. Это справедливое утверждение, сформулированное М.Д. Берликумом, предполагает совместный поиск путей преодоления «нарушений экстрапирамидных факторов психологических законов» овладения иностранным языком [1, с. 65].

Известно, что в XIX веке психология внесла свой вклад в методику преподавания иностранного языка. В качестве примера можно привести взгляды В. Вундта на психологию речи и чувств. В дальнейшем в психологии накопился обширный теоретический материал, и были выявлены закономерности, проявляющиеся как в усвоении и овладении иностранным языком, так и в изучении любого предмета. Приведем в качестве примера шаблоны, выделенные по Г.Э. Ведделю:

- теория единства сознания и деятельности;
- теория поэтапного формирования психических процессов;
- теоретический блок;
- концепция открытого и скрытого способа обучения; теория степени интенсивности состояния возбуждения студентов в процессе обучения;
- концепция внутренней речи и скрытых артикуляций, основного механизма, как вербального, так и творческого мышления;
- теория скрытой вербализации, управляющая нейродинамикой психических процессов и многие другие [4, с. 150].

Попытаемся проследить, как реализуется теоретический принцип единства сознания и деятельности в процессе изучения фонетики второго языка.

Известно, что мы воспринимаем звуки языка, при этом формируется речевой аппарат и система, в которой заданный язык сигнализирует о предметах и явлениях действительности. Благодаря отражению звуков в человеческом сознании, мы можем воспринимать через звук и различать значения слов. Автор В.А. Артемов в своей статье «Экспериментальная фонетика» описывает опыт по восприятию звуков испытуемыми, никогда не изучавшими

иностраннй язык, с последующим воспроизведением этих звуков. В первый раз экспериментатор находился за ширмой, в других случаях студенты вузов воспроизводили звуки путем зрительной имитации, т.е. видели лицо экспериментатора. В третий раз звуки были восприняты и воспроизведены на основе их аналитических объяснений и непосредственного опыта. Результаты третьего случая превысили уровень ответов первого и второго случаев [2, с.96].

Это исследование позволило установить, что восприятие звука, оригинальность которого заключается в акустике, зависит от артикуляционных структур и, соответственно, от впечатлений учащихся от правильного произношения их преподавателем, т.е. «сочетание моторных впечатлений от услышанного со слуховыми звуками и визуальных, схематично иллюстрирует положения органов артикуляции, произносящих отдельные звуки» [2, с. 130].

Таким образом, путем сознательного сравнения возможно развитие динамических стереотипов, которые могут устранять ошибки в восприятии учащихся и произношении фонем иностранного языка, что очень типично в зависимости от звуковой структуры их родного языка.

В процессе обучения есть два основных аспекта – преподавание и воспитание, которые тесно взаимосвязаны. Целью воспитания является развитие личности студента. Преподавание должно давать больше знаний, улучшая навыки и способности учащихся. Для успешного процесса обучения и воспитания учитель должен правильно понимать уровень развития у студента обоих этих аспектов, чтобы продвинуть его в овладении иностранным языком. Это следует учитывать при выборе подходов во время работы, при подборе упражнений и текстов.

С. Харджоно делит процесс повышения интеллектуальности преподавания на четыре этапа:

- учитель представляет и объясняет новый материал;
- учитель убеждается, что новый материал действительно освоен учащимися;
- учитель обучает учащихся, чтобы они могли самостоятельно работать с материалом и создавать его;
- учитель обучает учащихся, чтобы они могли активно и творчески использовать материал.

Следующий шаг в успешном процессе овладения языком принадлежит вниманию студентов. Для лучшего представления материала и усвоения его учащимися учитель должен владеть теоретическими аспектами психологии, связанной с процессом направления внимания и процессом усвоения материала урока. Кроме того, для каждого преподавателя очень важно сконцентрировать внимание учащихся. Для этого учитель использует различные методы преподавания.

Таким образом, использование наглядного примера в точное время является большим подспорьем в этом случае. Учитель должен позаботиться о том, чтобы не потерять внимание учеников через несколько минут, но для этого важно использовать наглядный пример в точное время, иначе эффект будет совершенно противоположным. Например, картина или какая-то таблица, висящая перед классом в начале урока, не даст положительного эффекта, так

как учащиеся уже видели ее, и их внимание не будет сосредоточено на ней в нужный момент. В этом случае использование наглядного примера не в точное время даст, скорее всего, негативный эффект.

Также хотелось бы отметить зависимость внимания студентов от интереса к изучаемому материалу. Цель каждого преподавателя – повысить интерес к представленному материалу. Здесь помогут психологические знания, так как для повышения интереса учащихся учителю необходимо заранее знать состояние психики учащихся. Интерес, несомненно, может быть вызван двумя факторами: мотивацией к получению знаний и положительным эмоциональным отношением к чему-либо. Интерес всегда проявляется на практике, и мотивация к получению знаний может появиться, если учащиеся понимают изучаемый материал и могут его усвоить. Не менее важные факторы в этом процессе принадлежат учителю как личности, его отношению и чувствам к своим ученикам, а также манере подачи материала, его умению находить наилучший подход к ученикам. У студентов возникает большое желание выучить иностранный язык и как можно быстрее свободно говорить на нем, но их интерес иногда очень низок, потому что они не видят результатов от того, что они изучают.

Следовательно, процесс обучения – это процесс взаимодействия преподавателя и студентов, поскольку преподавание по своей психологической природе представляет собой процесс совместной деятельности преподавателей и студентов. Задача учителя – контролировать познавательную деятельность учащихся: «познавательная деятельность учащихся реализуется в процессе обучения, выступает предметом контроля со стороны учителя» [5, с. 57].

В образовательном процессе – это, прежде всего, учебно-познавательная деятельность, включающая предметную работу, направленную на развитие отношений с людьми и обществом и усвоение всего, что накоплено человеком. Активизации учебно-познавательной деятельности способствуют, в первую очередь, образовательные интересы учащихся, которые можно определить как «отношение личности к объекту, обусловленное сознанием его жизненной важности и его эмоциональной привлекательности» [6, с. 350]. Соответственно, важно поощрять студента к овладению сути предмета.

Итак, ведущее место в структуре профессионального мышления педагога занимает психологическое мышление, поскольку содержание процесса обучения «всегда ориентировано на личность, отражает психологические законы и механизмы ее развития и социальной жизни» [8, с. 6]. Перспективы дальнейших исследований мы видим в изучении психологических методов обучения, которые должны быть тесно связаны с социальной потребностью обучающихся, так как обучение иностранным языкам будет более эффективным, если оно будет основываться не только на основных принципах педагогической науки, но и на применении принципов психологической науки, поскольку все виды обучения связаны с ментальными аспектами. Следующий этап нашей работы будет связан с экспериментальным подтверждением наших исследований.

Список литературы

1. **Артемов В.А.** Психология преподавания иностранных языков / В.А. Артемов. – М. : Просвещение, 1969. – 462 с.
2. **Артемов В.А.** Экспериментальная фонетика / В.А. Артемов. – М. : Изд-во писем по ин. яз., 1956. – 228 с.
3. **Ведель Г.Е.** Из истории методики преподавания иностранных языков / Г.Е. Ведель. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1979. – 56 с.
4. **Ведель Г.Е.** Очерк по методике преподавания немецкого языка / Г.Е. Ведель. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1976. – 218 с.
5. **Есипович К.Б.** Управление познавательной деятельностью учащихся при изучении иностранных языков в средней школе / К.Б. Есипович. – М. : Просвещение, 1988. – 190 с.
6. **Ковалев А.Г.** Личность и ее направленность / А.Г. Ковалев // Психология. – М. : Просвещение, 1966. – С. 331–366.
7. **Фурманова В.П.** Межкультурная коммуникация и лингвокультурология в теории и практике преподавания иностранных языков / В.П. Фурманова. – Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 1993. – 124 с.
8. **Романов К.М.** Формирование психологического мышления учителя / К.М. Романов. – Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 1994. – 108 с.

Bochatskaya A.A.

Psychological Features of Teaching Foreign Languages

The article discusses the psychological aspects in the process of mastering foreign languages in educational institutions. It studies the role of Psychology in education and its relationship with Pedagogy and Linguistics.

Key words: foreign language, Psychology, Linguistics, teaching approaches and principles.

Дволучанская Виктория Александровна,
преподаватель кафедры английской и
восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
victoriya99.2010@mail.ru

Организационный компонент макротехнологии подготовки будущих учителей-филологов к организации педагогического взаимодействия с младшими школьниками на уроках английского языка (из опыта работы)

В статье предлагается разработка организационного компонента макротехнологии подготовки будущих учителей к организации педагогического взаимодействия с младшими школьниками на уроках английского языка. Осуществляется теоретический анализ понятия «технологичность» на основании исследований учёных. Излагаются признаки и критерии технологичности. Предложены и охарактеризованы конкретные приёмы, формы работы для организации педагогического взаимодействия на уроках английского языка в начальной школе.

Ключевые слова: технология, макротехнология, технологичность, компонент, педагогическое взаимодействие.

Трактовка категории «технология» в своем развитии прошла путь от отражающей технические и производственные процессы до дающей научное описание педагогических процессов (В.П. Беспалько, Т.Ю. Сурнина, Т.Ф. Акбашев, Г.К. Селевко, В.А. Сластенин). По мнению О.Г. Набоки, признаками технологичности являются алгоритмичность, инвариантность, возобновляемость, проективность, визуализация, диагностичность, модернизация, корригированность [3, с. 15].

В.В. Желанова к критериям технологичности относит концептуальность, системность, управляемость алгоритмичность, воспроизводимость, эффективность, диагностичность [1, с. 249].

Г.К. Селевко, говоря о критериях технологичности, подчёркивает системный характер технологии: концептуальность, логичность, взаимосвязь всех её частей, целостность, управляемость, эффективность, воспроизводимость, единство содержательной и процессуальной частей, их взаимообусловленность [4].

В данной статье мы рассмотрим сущность организационного компонента макротехнологии подготовки будущих учителей к организации педагогического взаимодействия с младшими школьниками на уроках английского языка. Организационный компонент макротехнологии представлен процессом организации и проведения разработанных форм аудиторных, внеаудиторных занятий, педагогических практик и конкретными способами организации в

процессе их проведения педагогического общения и взаимодействия преподавателя и студентов, студентов-практикантов и учащихся начальных классов.

Организационный компонент является тем компонентом макротехнологии, цель и содержание которого заключается в реализации мезотехнологии и микротехнологии формирования готовности будущих педагогов к организации педагогического взаимодействия с учащимися начальной школы. Основной задачей преподавателя при этом является организация различных форм занятий и соответствующих способов коммуникативной/интерактивной деятельности обучающихся, направленной на усвоение коммуникативного компонента содержания образования, на овладение способами, приемами, техниками, позициями эффективного межличностного общения как средства достижения поставленной педагогической цели в работе с учащимися начальной школы. В качестве ведущего вида деятельности, направленного на решение задач эффективного, целенаправленного педагогического общения всех участников образовательно-воспитательного процесса, мы определяем коммуникативную деятельность. Организация этого вида деятельности обеспечивает осознание и усвоение коммуникативного компонента содержания педагогического образования, овладение приемами, средствами, техниками общения, понимание сущности ролевых позиций, занимаемых в процессе общения и социально-психологических механизмов их реализации во взаимодействии учителя и учащихся начальных классов.

Приведём примеры конкретных способов организации педагогического взаимодействия в рамках реализации различных типов занятий (лекции, практические занятия, семинары) при изучении профильных дисциплин.

Так на практических занятиях по дисциплине «Методика преподавания литературного чтения» активно использовался приём «Учимся сообща». Участники (студенты) были сформированы в несколько групп. Текст, подлежащий изучению (Алис Миллер «Воспитание, насилие и покаяние»; А.С. Макаренко «Что значит воспитывать ребенка»; Н.А. Добролюбов «Учитель должен служить идеалом» и др.), делился на несколько приблизительно равных по объёму фрагментов. Первая группа получала отрывок текста, читала его, выделяла главное, готовила выступление по данному фрагменту. Вторая группа готовила вопросы к такому же отрывку текста. Следующие 2 группы выполняли те же задания, но уже с другими фрагментами текста и т.д. По очереди заслушивалась первая группа с объяснением, вторая группа задавала вопросы, затем выступали следующие группы учащихся. Преподаватель подводил итоги деятельности.

Приведем пример использования метода «Мозговой штурм» на занятиях по дисциплине «Основы педагогического мастерства». Так, в начале одного из семинаров, студентам было предложено закончить предложение «Использование интерактивных технологий на занятии способствует...». Студенты активно выдвигали идеи, но не оценивали их, когда все идеи были записаны, начался этап оценки и обсуждения. Интересно, что внимание студентов было акцентировано на такие аспекты, как положительные отношения между преподавателем и студентами, демократический стиль обучения, сотрудничество, включение в учебный процесс ярких примеров, фактов.

При работе на практических занятиях по дисциплине «Педагогика» студентам было предложено поработать с проблемными ситуациями. Задача выполнялась в условиях групповой работы, а значит, было реализовано педагогическое взаимодействие. Такие качества, как активность, коммуникабельность, самостоятельность и инициативность развивались в условиях необходимости принятия ключевых решений. Диалог определялся как основной метод взаимодействия в системах «преподаватель-студент», «студент-студент». Приведем примеры некоторых ситуаций и вопросов для обсуждения, которые стимулировали к диалогам и дискуссиям.

Педагогическая ситуация. Учитель вызывает ученика рассказать стихотворение, а мальчик заикается, волнуется, сбивается. В классе кто-то начинает смеяться. Этот ребёнок на уроках всегда активен, но заикание смущает его самого. Каждый раз, когда он так «затягивает» ответ, он сам считает себя слегка виноватым. А детям вообще свойственно смеяться над человеком, который выбивается из их группы. Необходимо, чтобы ребёнок не чувствовал себя неполноценным и одноклассники не организовали его травлю. В результате этого случая может еще сильнее развиться комплекс неполноценности, ученик замкнётся в себе, перестанет работать на уроке. А одноклассники, возможно, станут его дразнить.

Обозначенная ситуация – распространенный пример школьной ситуации. Самостоятельное нахождение причин и возможностей корректировки детского поведения формировало у будущего учителя начальной школы теоретический базис к дальнейшей практической деятельности по организации педагогического взаимодействия с учащимися начальной школы. Обсуждение ситуации позволило в полной мере представить проблему, совместно смоделировать несколько векторов ее развития, путей решения. Это способствовало формированию у будущих учителей начальной школы умения решать педагогические ситуации, находить рациональные пути избегания конфликтных ситуаций, формированию навыка ведения учебного диалога.

При изучении темы «Особенности воспитания. Теория и практика» (дисциплина «Педагогика») в лекционном занятии нами были использованы фрагменты произведения Я. Корчака «Как любить ребёнка», например, такой: «Надо верить, что ребёнок не может быть грязным, а лишь запачканным. Преступный ребёнок – остаётся ребёнком... Я не требую от детей исправления, а отрабатываю их поступки. Жизнь – это арена: бывают более удачные или менее удачные моменты. Оценивается не человек, а действия... Воспитатель не обязан брать на себя ответственность за далекое будущее, но он целиком отвечает за сегодняшний день... Кто видит только различие между теорией и практикой, тот не дорос эмоционально до уровня современной теории. Тот должен больше учиться у жизни, а не по книжкам с их шрифтами. Тому недостает не готовых рецептов, а душевной, тяжелым трудом добытой способности чувствовать истину – сродняться с правдой теории» [2].

По материалам текста была организована дискуссия по проблеме «Как воспитывать ребёнка?». Использовались такие методы работы с текстом, как перевод научного текста на язык живого педагогического процесса, комментирование педагогического текста, диалог-полемика с автором текста, интер-

претация педагогического текста с позиции различных субъектов педагогического процесса.

Такой подход способствовал формированию у студентов профессиональных смыслов, системы отношений будущего учителя начальной школы к профессиональной деятельности: отношение к ученику, отношение к учебе, отношение к профессии; а также усвоенные способы педагогической деятельности: способы управления учебной деятельностью учащихся, способы взаимодействия, общения и отношения с учащимися, способы разрешения конфликтов.

С целью повышения мотивации, позитивного отношения студентов к формированию готовности к организации педагогического взаимодействия, занятия должны были носить действенный характер, актуализировать познавательные нужды будущих учителей начальной школы, активизировать их мышление, побуждать к высказыванию и согласованию взглядов и мнений, формировать ценностные ориентации. Мы стремились обеспечить атмосферу совместного поиска и творчества на основе доброжелательности, доверия, взаимопонимания каждого студента, что не просто давало каждому возможность самореализации, а стимулировало этот процесс, вызвало потребность быть услышанным, понятным для других. Важной также была позиция самого преподавателя, который вел занятия: в процессе педагогического взаимодействия преподаватель должен был контролировать и анализировать себя и свои действия с точки зрения того, как он помогал студенту в преодолении трудностей, как влияла каждая учебная ситуация на будущую профессиональную деятельность студента.

Таким образом, организационный компонент технологии обеспечивается общением, совместной деятельностью участников образовательного процесса – преподавателями, студентами, учащимися начальной школы. Этот компонент предусматривает обмен информацией, культурными ценностями, смыслами, эмоциями, действиями. Результатом такого профессионально-ориентированного взаимодействия является готовность будущих учителей к организации педагогического взаимодействия с учащимися начальной школы. Организационный компонент макротехнологии – элемент общей профессиональной подготовки, который проявляется в целенаправленных, взаимосвязанных и взаимообусловленных видах деятельности преподавателя. Перспективы дальнейших исследований мы видим в разработке оценочно-результативного компонента макротехнологии подготовки будущих учителей-филологов к организации педагогического взаимодействия с учащимися начальной школы.

Список литературы

1. **Желанова В.В.** Контекстное обучение будущего учителя начальных классов: теория и технология : монография / В.В. Желанова. – Луганск : Изд-во «ЛНУ имени Тарас Шевченко», 2013. – 482 с.
2. **Корчак Я.** Как любить ребёнка / Я. Корчак. – М. : Политиздат, 1990. – 496 с.
3. **Набока О.Г.** Теория и методика использования профессионально-ориентированных технологий обучения будущих экономистов в процессе

профессиональной подготовки : автореф. дис. ... д-ра. пед. наук : спец. 13.00.04 «Теория и методика профессионального образования» / Набока Ольга Георгиевна ; ГУ «Луган. нац. ун-т имени Тараса Шевченко». – Луганск, 2013.– 41 с.

4. **Селевко Г.К.** Современные образовательные технологии : учеб. пособие для пед. вузов и ин-тов повышения квалификации / Г.К. Селевко. – М. : Народное образование, 1998. – 256 с.

Dvoluchanskaya V.A.

The Organizational Component of Macrotechnology for Preparing Future Philology Teachers for the Organization of Pedagogical Interaction with Younger students in English lessons (from Work Experience)

The article proposes the development of an organizational component of macrotechnology for preparing future teachers for the organization of pedagogical interaction with younger students in English lessons. A theoretical analysis of the concept of «manufacturability» is carried out on the basis of research by scientists. Signs and criteria of manufacturability are stated. Specific techniques, forms of work for the organization of pedagogical interaction in English lessons in elementary school are proposed and characterized.

Key words: *technology, macrotechnology, manufacturability, component, pedagogical interaction.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

УДК 81'276.2: 004.774.6 Блог

Ляхович Юлия Олеговна,
преподаватель кафедры английской и
восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
julia_yevs@mail.ru

Интернет-блог как особая форма стилизации устной речи

В статье описывается языковая специфика интернет-коммуникации на примере такого асинхронного сетевого жанра, как блог. Автор рассматривает причины возникновения блогов, их основные функции и возможности, группы текстов интернет-блогов, а также характерные черты этой коммуникации с возможностью применения неязыковых средств. Кроме того, в статье представлены тематические группы блог-записей и проводится анализ этого вида коммуникации по «модели речевого жанра» Т. Шмелевой.

Ключевые слова: блог, сетевой жанр, гипержанр, неязыковые средства коммуникации, асинхронная система.

Блог – это сетевой жанр, который представляет собой нечто новое для современного человека. Он совмещает в себе такие качества, как источник новостей и информационная среда. Общение в интернете – это уникальное пространство для построения языковой личности благодаря возможности самопрезентовать и самореализовать творчески.

Возникновение блога обусловлено несколькими факторами. Главным из них стала возможность обратной связи в интернете. Второй причиной является возникновение жанра сетевого дневника – предшественника современного блога. Ряд ученых говорит о блоге как о третьей форме речи наряду с письменной и устной, что объясняется функционированием этого подъязыка при помощи технических средств, а также тем, что он удовлетворяет коммуникативные цели и имеет свой набор лексических и грамматических характеристик.

Целью данной статьи является рассмотрение блога как нового асинхронного сетевого жанра, который является одновременно и уникальным пространством для построения языковой личности, и средством связи человека с широким кругом людей, так называемым личным СМИ.

Задачей статьи является рассмотрение основных функций и возможностей блога, типов текстов и неязыковых коммуникаций в блоге, а также анализ этого жанра согласно «модели речевого жанра» Т. Шмелевой.

Блог – это частная жизнь автора, с помощью которой он создает портрет собственного Я-идеального, а возможность использования юзернейма и юзерпика позволяет блоггеру создать Я-виртуальное.

Основная функция блога – проинформировать и/или развлечь. Деятельность блоггеров может быть самой разнообразной: обмен информацией, шутками, обсуждения, флирт и прочее.

В. Волохонский выделяет такие основные функции блогов:

- 1) коммуникативная;
- 2) функция самопрезентации;
- 3) развлекательная;
- 4) функция сплочения и удержания социальных связей;
- 5) функция мемуаров;
- 6) функция саморазвития;
- 7) психотерапевтическая [2, с. 118–131].

Блоггер обладает доступом ко всем своим записям и имеет возможность делать их открытыми – для всех или для какой-то определенной группы людей, или же закрытыми, приватными.

Чаще всего блоги бывают открытыми. Открытым называется блог, который можно обсудить и оценить, как саму публикацию, так и комментарии к ней (leave a comment).

За последние несколько лет в сети появилось очень много блогов, публикации которых создаются читателями и подписчиками. Это очень удобно, так как дает возможность не только оценить чью-то публикацию, но и поделиться своими переживаниями и собственной информацией.

Помимо публикаций и комментариев к ним, блог предоставляет возможность обмениваться сообщениями между авторами.

Тексты интернет-блогов можно разделить на три основные группы:

1. *Средства, позволяющие самопрезентовать до начала коммуникации.* Это – своеобразная визитная карточка автора, которая создается до общения и публикации, может изменяться и включает в себя имя или ник автора, аватар (который помогает быстро идентифицировать его среди других), список интересов, девиз, а также дизайн дневника. Через вербальные способы самопрезентации автор проявляет свою номинативную способность и реализует намеченную им определенную линию речевого поведения и основные черты виртуального образа [8].

Необходимо отметить также возможность применения неязыковых средств коммуникации, которые могут облегчить взаимодействие в процессе общения и публикации. К таким средствам можно отнести следующие:

- аудиовизуальные ресурсы (изображения, фотографии, аудиофайлы);
- различные ссылки на другие интернет-ресурсы и на онлайн дневники;
- символические заменители, которые являются индикаторами эмоционального состояния и отношения (смайлы, статусы, текущая музыка);
- выбор индивидуального стиля аудиовизуальной презентации собственного сообщения (цвет, шрифт, размер, фон, ник и др.) [6].

Ник – это нечто среднее между реальным именем и именем художественного персонажа. Реальное имя дается человеку помимо его воли и не имеет никакого отношения к его творческому воображению. Имя персонажа определяет автор этого персонажа. А ник, в свою очередь, является вымышленным именем, но самостоятельно выбранным. Ник является своего рода маской, за

которой скрывается реальный человек. В этом своеобразии и уникальности ников в сети Интернет [5, с. 94].

2. *Дневниковые записи*. Если мы посмотрим на блог, то увидим, что записи в блоге состоят из заголовка (иногда он может отсутствовать), даты, тела записи (основного содержания), меток записи, указания на количество комментариев, ссылки на добавление комментариев (если эта функция не запрещена пользователем) и ссылки на запись, кликнув на которую, можно будет открыть запись в отдельной веб-странице. Иногда разработчики блогов предоставляют нам такие функции, как размещение музыки, настройки, местонахождения и пр.

Н. Рогачева в своем исследовании выделяет следующие тематические группы блог-записей (в порядке убывания):

- события из личной жизни автора;
- межличностные отношения и коммуникация;
- изображения, цитаты и гиперссылки;
- настроение автора;
- музыка, кино, литература и прочие увлечения автора;
- работа, учеба;
- творчество автора;
- публичные обращения и объявления;
- размышления автора;
- новости, события в мире [7].

Для блога характерно более неформальное общение, чем для СМИ, но более формальное, чем для повседневного общения. Степень серьезности, дружелюбия и отзывчивости являются личными характеристиками каждого отдельно взятого блоггера, а также зависят от тематики блога в целом.

3. *Диалогическая и полилогическая часть*, которая включает в себя комментарии читателям к записям и ответы автора. Как правило, комментарии к записи начинают появляться практически сразу после публикации автора и могут активно поступать в течение нескольких дней или даже месяцев.

Во избежание различных неприятных ситуаций, в большинстве блогов существует возможность фильтра комментариев. Это означает, что автор может запретить комментарии для конкретных пользователей, или же для всех, для одной своей публикации или ко всем своим записям.

Блог – это асинхронная система и для обмена сообщениями между пользователями не требуется одновременная авторизация в системе. Блог – средство связи отдельного человека с широким кругом людей, так называемое личное СМИ. Передача сообщения происходит односторонне, а это значит, в формате «сообщение за сообщением», но такие сообщения имеют свой лимит по количеству знаков, хотя и не маленький. В блоге велика степень постоянства, записи там сохраняются навечно, за исключением, если сам автор что-то удалит. Блог имеет возможность использования любых мультимедийных средств (видео, аудио, фото) и размещения гиперссылок.

В терминах К. Седова блоги рассматриваются как гипержанр, а жанры, которые входят его состав, можно представить, как функцию устойчивого повторяющегося сочетания типовых значений ряда параметров [4]. Среди таких

параметров можно выделить следующие: количество авторов, преобладающий тип медиатекста, допустимый размер записей и тематику.

Кроме того, в описании речевых жанров особого внимания заслуживает «модель речевого жанра» Т. Шмелевой [9]. Представим описание жанра блога согласно этой модели.

1. Коммуникативная цель. Т. Шмелева выделяет четыре основных цели: информативная, императивная, этикетная и оценочная [9, с. 92–93]. Жанр блога можно отнести к информативно-оценочным.

2. Образ автора. Блог предполагает автора, которому есть что сказать. Это должно быть интересным большому количеству человек, иначе блог будет не популярен, а «авторы дневников, не «нажившие» постоянных читателей, надолго в обществе не задерживаются» [3].

3. Образ адресата. Т. Шмелева не расшифровывает этот параметр, но очень интересное рассуждение можно увидеть у М. Бахтина: «Этот адресат может быть непосредственным участником-собеседником бытового диалога, может быть дифференцированным коллективом специалистов какой-нибудь специальной области культурного общения, может быть более или менее дифференцированной публикой, народом, современниками, единомышленниками, противниками и врагами, подчиненным, начальником, низшим, высшим, близким, чужим и т.п.; он может быть и совершенно неопределенным, неконкретизованным другим (при разного рода монологических высказываниях эмоционального типа) – все эти виды и концепции адресата определяются той областью человеческой деятельности и быта, к которой относится данное высказывание. Кому адресовано высказывание, как говорящий (или пишущий) ощущает и представляет себе своих адресатов, какова сила их влияния на высказывание – от этого зависит и композиция и – в особенности – стиль высказывания» [1].

Особый характер адреса в блоге обусловлен тем, что, с одной стороны, автор обращается к известным ему людям (знакомые, родственники, постоянные читатели), а с другой стороны, он должен понимать, что его читателями могут стать совершенно незнакомые люди. Таким образом, круг его адресатов постоянно расширяется. Можно говорить, что блоги имеют неограниченную концепцию адресата, также, как и литература, и СМИ.

4. Образ прошлого. Т. Шмелева различает здесь инициальные жанры (начинающие общение), и реактивные (которые появляются в результате определенных жанров, таких как ответ, отказ, согласие, опровержение и прочее). Запись в блоге можно отнести к инициальным жанрам, а комментарии к записи – к реактивным.

5. Образ будущего. Здесь можно сказать о том, что жанр записей в блоге предполагает дальнейшее обсуждение записи в комментариях к ней, или же в записях других авторов.

6. Тип диктумного (событийного) содержания. Невозможно рассмотреть этот параметр по отношению к записям в блоге из-за сложности этого жанра и огромной разнородности высказываний, которые к нему относятся. В этом параметре наиболее явно проявляется ориентация модели Т. Шмелевой на понимание речевого жанра как аналога речевого акта.

7. Языковое воплощение. Жанр записей в блоге характерен выходом на первый план таких понятий, как индивидуальность и свобода языкового выражения. Рассматривая записи блога с точки зрения пары «минимальность-максимальность», можно увидеть, что они не обладают ни крайней сжатостью, ни крайней объемностью. Как правило, число знаков для разных блог-платформ может варьироваться от нескольких сотен до нескольких тысяч. В целом можно говорить о том, что записи в блоге можно рассматривать как персональное СМИ, а значит, что языковое воплощение таких записей зависит исключительно от автора данного блога.

Что касается коммуникации в блоге, то ее можно охарактеризовать такими чертами.

1. Общение в блоге полифонично, так как оно может объединять в себе разные типы дискурсов и речевых практик.

2. Восприятие текста в блоге сильно меняется благодаря гипертекстовым и интерактивным возможностям.

3. Анонимность и дистантность являются важными факторами, которые влияют на общение в блоге.

Постоянная попытка установить и поддержать общение приводит к коммуникативному новаторству и делает данное общение оригинальным и необычным. Креативность языка постоянно растет за счет разнообразных личностей авторов и делает этот язык уникальным для лингвистического изучения. Часто эта уникальность выражается в отклонениях от общепринятых норм грамматики, лексики, графики и пр.

4. Общение в блоге носит замещенный характер, что означает, что мы имеем минимум информации о нашем виртуальном собеседнике, но, основываясь на текстовой информации, мы делаем самостоятельные выводы.

5. Общение в блоге достаточно эмоционально, и это компенсирует практически полное отсутствие возможности передачи невербальных средств, эмоций и их описание. Эмоциональность здесь достигается следующим образом:

– графические вербальные средства, такие как заглавные буквы, повторения знаков пунктуации, смайлы и прочее;

– программные графические средства, которые встроены в программное обеспечение (изображение эмоции замещается графическим изображением).

6. На общение в интернете большое влияние производит добровольность и желательность контактов.

Таким образом, можно сделать вывод, что блог представляет собой огромную ценность для современной лингвистики, так как это языковое явление возникло сравнительно недавно.

Феномен блога может быть описан как сменяющий психоаналитическую практику культурный механизм, посредством которого индивид пытается заново “научиться говорить” и стать благодаря этой реалии “самим собой”. Участники блогов стараются самовыразиться за счет различных языковых приемов, тем самым показав свою индивидуальность. Люди очень разнообразны, следовательно, можно говорить о том, что лингвистические исследования будут постоянно находить что-то новое в интернет-коммуникации.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в открытии новых дискурсов, классификаций и жанров, а разнообразие общения он-лайн позволяет нам говорить о безграничных возможностях в этой сфере.

Список литературы

1. **Бахтин М.М.** Проблема речевых жанров / М.М.Бахтин // Собр. соч. – М. : Русские словари, 1996. – Т. 5. – 301 с.
2. **Волохонский В.Л.** Психологические механизмы и основания классификации блогов / В.Л. Волохонский, Ю.Е. Зайцева, М.М. Соколов // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. Блоги: новая реальность : сб. ст., 2006. – С. 118–131.
3. **Голубева И.В.** К вопросу о чате как ведущем жанре электронного общения / И.В. Голубева, О.А. Левоненко // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. – Волгоград, 2005. – С. 377–380.
4. **Горелов И.Н.** Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2008. – 304 с.
5. **Лихачев Д.С.** Книга беспокойств / Д.С. Лихачев. – М. : Новости, 1991. – 522 с.
6. **Науменко А.М.** Филологический анализ текста (основы лингвопоэтики) / А.М. Науменко. – Винница : Нова книга, 2005. – 416 с.
7. **Рогачева Н.Б.** Новые приоритеты в русском Интернет-общении: на материале жанра блога / Н.Б. Рогачева // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Наука, 2007. – Вып. 5. – С. 50–59.
8. **Сидорова М.Ю.** Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение / М.Ю. Сидорова. – М. : 1989.ру, 2006. – 184 с.
9. **Шмелева Т.В.** Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 64–97.

Lyakhovich Yu.O.

Internet Blog as a Special Form of Oral Speech Stylization

The article describes the linguistic specifics of Internet communication using the example of such an asynchronous network genre as a blog. The author examines the reasons for the emergence of blogs, their main functions and capabilities, groups of texts on Internet blogs, as well as the characteristic features of this communication with the possibility of using non-linguistic means. In addition, the article presents thematic groups of blog entries and analyzes this type of communication according to the «speech genre model» of T. Shmeleva.

Key words: *blog, network genre, hypergenre, non-linguistic means of communication, asynchronous system.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Борзых Елена Александровна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода и общего языкознания ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»

Бородина Анжелика Николаевна, преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

Бочацкая Анна Александровна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

Грицкова Наталия Викторовна, доцент кафедры романо-германской филологии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат педагогических наук

Дволучанская Виктория Александровна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

Дворцова Александра Николаевна, старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

Долженко Дарья Александровна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

Кононченко Юлия Александровна, ассистент кафедры журналистики и издательского дела ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

Ли Екатерина Сергеевна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

Ляхович Юлия Олеговна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

Некрутенко Елена Борисовна, доцент кафедры теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат педагогических наук

Пантыкина Наталья Игоревна, старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

Сайфутдинов Сардорбек Хайдар огли, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

Ткачева Елена Александровна, доцент кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат педагогических наук

Фомина Светлана Борисовна, доцент кафедры теории и практики перевода и общего языкознания ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», кандидат филологических наук

Харченко Лариса Ивановна, и.о. заведующего кафедрой теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат педагогических наук, доцент

Хатнюк Анатолий Витальевич, аспирант кафедры русской и мировой литературы ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

Черникова Елизавета Дмитриевна, магистрант 1 курса филологического факультета ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

Якименко Людмила Николаевна, доцент кафедры начального образования ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат филологических наук

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Вестник Луганского государственного педагогического университета» (Свидетельство № ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.) основан в 2015 г.

Учредитель и издатель сборника – ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ».

Научный сборник является периодическим печатным научным рецензируемым изданием, имеющим сериальную структуру. На страницах сборника публикуются научные работы, освещающие актуальные проблемы отраслей знания и относящиеся к отдельным группам научных специальностей. С 2016 г. издаются серии: «Педагогические науки. Образование», «Физическое воспитание и спорт», «Филологические науки. Медиакommunikации», «Биология. Медицина. Химия» «Гуманитарные науки. Технические науки».

Редакция сборника публикует научные работы, отвечающие правилам оформления статей и других авторских материалов, принятых в издании.

Авторские рукописи, подаваемые для публикации в выпусках серий, должны соответствовать их научному направлению и отличаться высокой степенью научной новизны.

Материалы могут подаваться на русском языке. Допускается публикация на английском языке. В таком случае авторы должны предоставлять развернутую русскоязычную аннотацию (до 2 тыс. знаков). Статьи публикуются на языке оригинала.

Публикация научных материалов осуществляется при условии предоставления авторами следующих документов:

1. Авторская заявка/согласие на публикацию авторских материалов.
2. Текст научной статьи (научного обзора, научного сообщения, открытой научной рецензии, публикация по материалам научных событий, информация об отечественных и зарубежных научных школах, персоналиях), соответствующий тематике серии сборника.
3. Рецензия на статью, подготовленную аспирантом или соискателем ученой степени кандидата наук, подписанная научным руководителем или заведующим кафедрой, на которой выполняется диссертационное исследование. Рецензия должна объективно оценивать научную статью и содержать всесторонний анализ ее научных достоинств и недостатков.

Заявка и научная статья или другие авторские материалы направляются в редакцию серии в электронном виде. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо. Авторская заявка с подписью автора(-ов), рецензия на статью подаются в отсканированном виде. Названия предоставляемых файлов должны соответствовать фамилии автора(-ов) и названию документов.

Рукописи статей проходят процедуру макетирования. Все элементы статьи должны быть доступны для технического редактирования и отвечать техническими требованиями, принятым в издании.

Материал для опубликования предоставляется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется в текстовом формате, полностью совместимом с Word 97-2003. Рукопись должна иметь ограниченный объем 7–12 страниц машинописного текста (0,3–0,5 авторского листа; 12–20 тыс. печатных знаков с пробелами) включая аннотацию, иллюстративный и графический материал, список литературы.

Формат страницы А4; книжная ориентация; поля: левое 3 см, верхнее 2 см, правое 1,5 см, нижнее 2 см; гарнитура Times New Roman; цвет текста – черный; размер шрифта 14 кегль; интервал 1,5; выравнивание по ширине текста. Абзац выделяется красной строкой, отступ 1,25. Текст печатается без переносов, соблюдается постановка знаков дефиса (-) и тире (–), а также типографских кавычек (« »), в случае использования двойных кавычек внешними являются кавычки (« ») «елочки», внутренними – („“) «лапки».

Выравнивание отступа с помощью табуляции и пропусков не допускается. Уплотнение интервалов, набор заголовка в режиме Caps Lock, использование макросов и стилевых оформлений Microsoft Word запрещено.

В тексте статьи ссылки нумеруются в квадратных скобках, где первый номер указывает на источник в списке литературы, последующие – на страницы источника или другие источники, в таком случае номера источников отбиваются знаком (;). Например, [3, с. 65]; [4; 7; 9]; [2, т. 3, с. 41–44]; [1, с. 65; 3, с. 341–351]. Размещение в тексте прямых цитат без сносок не допускается. Сноски вниз страницы не выносятся.

При написании фамилий и инициалов используется следующее правило: инициалы печатаются через точку без пробела, инициалы от фамилии отбиваются неразрывным пробелом (Ctrl + Shift + «пробел»). Например, М.А. Крутовой. Согласно стилю оформления научной публикации предпочтительнее сначала указывать инициалы ученого, а затем его фамилию.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте должна иметься ссылка на конкретный рисунок, например, (Рис. 2). Каждый рисунок следует создавать в отдельном файле, а затем вставлять в статью с помощью функции «вставка» с обтеканием текстом. Не допускается выход рисунков за границы текста на поля. Все рисунки должны обеспечивать простое масштабирование с сохранением взаимного расположения всех элементов и внутренних надписей. Не допускается составление рисунка из разрозненных элементов. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунков следует сохранять в форматах jpg, tif.

Каждую таблицу необходимо снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы следует предоставлять в текстовом редакторе Microsoft Word, располагать в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи необходимо давать ссылку на конкретную таблицу, например, (Табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах допускается использование меньшего кегля, но не менее 10.

Текст научной статьи должен иметь следующую структуру:

1. Индекс УДК (универсальной десятичной классификации публикуемых материалов) выставляется без абзаца.

2. Фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, звание, должность автора(-ов), название учебного заведения или научной организации, в которой выполняется диссертационное исследование, электронный адрес автора(-ов).

3. Заголовок статьи. Заголовок должен быть информативным и содержать только общепринятые сокращения; набираться строчными буквами жирным шрифтом, без разбиения слов переносами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце.

4. Аннотация. Описывает цели и задачи проводимого исследования, а также возможности его практического применения. Аннотация на русском языке помещается в начале статьи, на украинском и английском – в конце. Аннотация должна быть написана от третьего лица и содержать фамилию и инициалы автора(-ов), заголовок статьи, ее краткую характеристику. Рекомендуемый объем аннотации 3–4 предложения; 40–60 слов; 500 знаков. Англоязычная аннотация должна выполняться на профессиональном английском языке.

5. Ключевые слова (5–7 слов / словосочетаний, определяющих предметную область научной статьи) на русском языке (располагаются после аннотации на русском языке), на украинском языке (после аннотации на украинском языке) и английском (размещаются после аннотации на английском языке). В перечне ключевых слов должны быть представлены общенаучные или профильные термины, упорядоченные от наиболее общих к более конкретным.

6. Вводная часть статьи, постановка проблемы, цель статьи, представление новизны излагаемых в статье материалов.

7. Данные о методике проводимого исследования.

8. Экспериментальная часть, анализ, обобщение, описание и объяснение полученных данных. По объему – занимает центральное место в статье.

9. Выводы и рекомендации, перспективы развития поставленной проблемы.

10. Список литературы, представленный в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В статье рекомендуется использовать не более 10 литературных источников. Заголовок «Список литературы» набирается

строчными буквами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце и ниже с выравниванием по ширине приводится пристатейный нумерованный список литературы. Фамилии и инициалы авторов набираются полужирным шрифтом, библиографическое описание источника обычным.

Каждый новый структурный элемент статьи не нужно нумеровать, выделять, называть. Изложение материала статьи должно быть последовательным, логически завершенным, с четкими формулировками, исключая двойное толкование или неправильное понимание информации. Оформление текста должно соответствовать литературным нормам, быть лаконичным, тщательно выверенным.

К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями к оформлению статей и других авторских материалов. Текстовые принципы построения научной статьи могут варьироваться в зависимости от тематики и особенностей проводимого исследования. Материалы, не отвечающие основным предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются. Рукописи статей, сопроводительные документы как опубликованных, так и отклоненных авторских материалов авторам не возвращаются.

Авторы научных статей несут всю полноту ответственности за достоверность сведений, авторскую принадлежность представленного материала, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, приведенные инициальные сокращения.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора присланных материалов, их рецензирования и редактирования без изменения научного содержания авторского варианта. Принятые к публикации научные статьи включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

Редакция не принимает к публикации статьи, опубликованные ранее в других изданиях. Публикация статьи в сборнике не исключает ее последующего переиздания, однако, в таком случае необходимо приводить ссылку на «Вестник Луганского педагогического университета» как на первоисточник.

После выхода в свет печатной версии научного сборника, его полнотекстовые электронные копии размещаются в базе данных Научной библиотеки, а также на официальном сайте Луганского педагогического университета в формате pdf. Электронные материалы могут копироваться по электронным сетям и распечатываться авторами для индивидуального пользования с указанием выходных данных сборника.

Согласие автора на публикацию статьи, данное в заявке, рассматривается и принимается редакцией сборника как его согласие на размещение предоставленных авторских материалов в свободном электронном доступе.

В заявке авторы должны подать следующую информацию:

1	Полное название статьи	
	<i>Заполняется каждым автором</i>	
	ФИО (полностью)	
2	Учёная степень, звание	
3	Название организации (вуз, кафедра, лаборатория, отдел), которую представляет автор (в именительном падеже), должность	
4	Страна, город	
5	Контактный номер телефона	
6	Почтовый адрес, индекс	
7	Адрес электронной почты	
8	Авторское согласие на печать и размещение рукописи в электронных базах свободного доступа	Подпись автора

Редакция Вестника Луганского государственного педагогического университета

Научное издание

Коллектив авторов

ВЕСТНИК

**ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Сборник научных трудов

Серия 3

Филологические науки. Медиакommunikации

Главный редактор – *Л.Н. Синельникова*
Выпускающий редактор – *Г.Г. Калинина*
Редактор серии – *А.А. Новикова*
Корректор – *О.И. Письменская*
Компьютерная верстка – *Р.В. Жила*

Подписано в печать 24.12.2021. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать ризографическая. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 8,13.
Тираж 25 экз. Заказ № 118.

Издатель

ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011. Тел. : (0642)58-03-20
e-mail: knitaizd@mail.ru